

КАЖДЫЙ
ИЗ НАС
ЖАЖДЕТ
МЕСТИ

18+

ВОЗНЕСЕННАЯ

Грехом

Кора Рейли

Кора Рейли
Вознесенная грехом
Серия «Love & Mafia»
Серия «Грехи отцов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68404834
Рейли, Кора. Вознесенная грехом: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-150655-1

Аннотация

Мэддокс – Бешеный пес – Уайт ненавидит все, что касается фамилии Витиелло, после того, как стал свидетелем безжалостного убийства Доном итальянской мафии своего отца и его людей на собственной территории. Воспитанному родным дядей, президентом Мотоклуба Тартар, Мэддоксу суждено пойти по его стопам. Сейчас их отделение вновь усиливает позиции, но для окончательного триумфа необходимо уничтожить империю Витиелло. И лучший способ этого добиться – похитить избалованную принцессу Витиелло и медленно уничтожать ее по кусочкам до тех пор, пока ее отец не начнет молить о пощаде.

Марселла Витиелло, всем известная как избалованная принцесса Нью-Йорка, выросла в «золотой клетке». Если твой отец – самый опасный человек Нью-Йорка, то люди относятся к тебе с почтением.

Обреченная выйти замуж за мужчину, одобренного отцом, Марселла устала от того, что с ней обращаются, как с неприступной фарфоровой куклой.

Ей претит жизнь, навязанная ее семьей, до того момента, пока у Марселлы не отнимут все, что она принимала как должное. Там, где она сейчас находится, ее фамилия не навевает страх, а лишь приносит боль и унижение.

Если ты выросла в высоком замке, падать становится куда больнее.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	42
Глава 4	61
Глава 5	78
Глава 6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Кора Рейли

Вознесенная грехом

Cora Reilly

By Sin I Rise: Part One

Copyright © 2021 Cora Reilly

© Белякова Анастасия, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Марселла

Есть то неизменное, что течет в нашей крови. От этого нельзя избавиться, нельзя изменить и утратить, но об этом можно забыть. С раннего детства у меня срабатывал защитный инстинкт, когда дело касалось опасности или человека, которому не следовало доверять. И я прислушивалась, всегда останавливалась, чтобы заглянуть глубоко в себя, подключить интуицию и перепроверить, прежде чем продолжить действовать.

Пока не перестала прислушиваться, пока не привыкла к тому, что есть люди, заботящиеся о моей безопасности, и пока не стала доверять их решению больше, чем собствен-

ному. Я вручила свою жизнь в руки специально обученных телохранителей, *мужчин*, способных защитить меня лучше, чем я сама – всего лишь маленькая девочка, а впоследствии женщина. Если бы я прислушалась к шестому чувству, обратила внимание на пробегающие мурашки по телу в ту первую встречу и позже, когда меня похитили, то была бы в безопасности. Но я научилась игнорировать свой внутренний голос, инстинкт, унаследованный от отца, потому что не должна была замечать опасности нашей жизни.

Маленькие дети быстро понимают, что, пряча глаза от беды, ты не защитишь себя от нее. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы усвоить этот урок.

Мэддокс

С самого первого момента, как я увидел Белоснежку, она

врезалась в мою память. Каждую чертову ночь образ ее обнаженного тела мучил меня и основательно сводил с ума.

Порой я просыпался, чувствуя ее вкус на языке, и был почти убежден, что и впрямь зарылся языком в ее, несомненно, красивую киску. Черт, я еще не видел ни сантиметра этого легендарного тела и уж тем более не прикасался к нему. Но я обязательно сделаю это, даже если для этого придется надкусить отравленное яблоко.

Такого парня, как я, никогда бы не подпустили к Белоснежке. Я отнюдь не был гребаным неудачником. Я собирался стать президентом мотоклуба «Тартар», следуя по стопам моего дяди – нынешнего президента. Но в глазах Белоснежки и ее чертова отца, Луки Витиелло – главы итальянской мафии всего Восточного побережья, этот факт делал меня самым низшим отбросом на земле. Я был маленьким мальчиком, которому едва исполнилось пять лет, когда у меня отобрали привычную жизнь. Как сын президента отделения мотоклуба «Тартар» в Нью-Джерси, уже с юного возраста я видел много неприятных вещей. Как братья по клубу среди бела дня трахались со шлюхами посреди клуба, устраивали жестокие драки и перестрелки... но ничто из этого не оставило такого следа, как та ночь, когда глава нью-йоркской мафиозной Семьи зверски убил моего отца и его людей.

Этот ублюдок в одиночку уничтожил целое отделение нашего клуба.

Зачеркните это.

Не один, а с помощью чертова топора и ножа для сдира-
ния шкуры. С тех пор крики моей умирающей клубной се-
мьи преследовали меня по ночам, как эхо воспоминаний, от
которых я не мог избавиться, пока не выпивал количество
алкоголя, способное убить слона. Эти образы разжигали мою
жажду мести.

Мести, которую я осуществляю при помощи избалованной
принцессы Нью-Йорка – Марселлы Витиелло.

Глава 1

Мэддокс

Мэддоксу пять лет

Я сидел на полу мотоклуба и крутил пустую бутылку из-под пива, от которого мои ладошки были липкими. Когда я поднес пальцы ко рту, чтобы лизнуть их из любопытства, то скривился. Горький, гнилой вкус распространился по языку, прилип к деснам и горлу. Я сплюнул, но неприятный привкус так и не исчез.

Комната была заполнена дымом от сигар и сигарет, отчего нос немного чесался, а сопли иной раз становились тем-

НЫМИ.

Я продолжал крутить бутылку, потому что больше играть было не с чем. Все мои игрушки остались у мамы, но вчера папа забрал меня от нее, и они снова накричали друг на друга, как и всегда. Папа дал маме пощечину, оставив на ее щеке красный след, и с тех пор был не в духе. Я всегда держался от него подальше, когда у него было такое настроение. И сейчас он орал на кого-то в трубку.

Поп, его правая рука, обычно играл со мной, но в этот момент он сидел у барной стойки и целовался с какой-то блондинкой. Другие байкеры сидели за столом и играли в карты. На самом деле они не хотели, чтобы я им надоедал. Когда я спросил, можно ли понаблюдать за их игрой, один из них толкнул меня так, что я свалился на задницу. Копчик до сих пор болел в том месте, на которое я приземлился.

Раздались громкие шаги. Дверь мотоклуба распахнулась, и один из прбспектов¹, спотыкаясь, вбежал с широко раскрытыми глазами.

– Черный лимузин.

Все резко вскочили, будто эти слова были секретным кодом. Я повернулся к отцу, который раздавал приказы так громко, что брызгал слюной. Я не понимал, что такого плохого в черной машине. Раздался крик, сначала пронзительный, а затем хриплый. Я снова посмотрел на дверь и увидел,

¹ Prospect (англ.) – человек, желающий вступить в ряды членов мотоклуба, кандидат.

как прбспект рухнул вперед с топором в затылке, раскалывающим его, как спелый арбуз. Мои глаза округлились, бутылка выпала из рук. Кровь прбспекта забрызгала все вокруг, когда вытащили топор. Он оставил в черепе настолько глубокую рану, что виднелись мозги. «Точь-в-точь как арбуз», – снова подумал я.

Отец подбежал ко мне и схватил за руку железной хваткой.

– Спрячься под диваном и не выходи! Ты меня понял?

– Да, сэр.

Он толкнул меня к старому серому дивану, я упал на колени и заполз под него. У меня заняло немало времени, чтобы залезть под сиденье, где я едва помещался, но все же мне удалось лечь на живот, лицом к входной двери и комнате.

Крупный мужчина с безумными глазами ворвался внутрь с ножом и топором в руках. Я затаил дыхание, когда он зашел, рыча, как разъяренный медведь. Он с силой ударил ножом папиного казначея, который потянулся за пистолетом. Слишком поздно потянулся. Казначей упал прямо перед диваном, уставившись на меня вытаращенными глазами. Под его головой начала течь лужа крови.

Я отполз чуть назад, но резко замер, испугавшись, что мои ноги выглянут из-под дивана. Крики становились все громче и громче, и я закрыл уши руками. Но не смог отвести взгляда от происходящего вокруг. Безумец схватил нож и кинул его в Попа. Лезвие попало ему точно в грудь, и Поп завалился

назад так, будто перебрал с алкоголем. Отец ринулся за барную стойку вместе с двумя кандидатами. Я хотел спрятаться там вместе с ним, хотел, чтобы отец утешил меня, даже если прежде он никогда этого не делал. Безумец выстрелил в руку другому члену мотоклуба, когда тот потянулся за брошенным пистолетом. Каждый раз я вздрагивал от раздававшихся выстрелов, которые слышал, даже закрыв уши.

Плохой дядя продолжал стрелять по бару, но со временем все утихло. Неужели у папы и прбспектов закончились боеприпасы? Мои глаза метнулись в сторону оружейной в конце коридора. Один из кандидатов выскочил из-за барной стойки, но мужчина погнался за ним и с размаху бросил топор ему в спину. Зажмурившись, я сделал несколько судорожных вдохов, прежде чем снова осмелился открыть глаза. Кровь казначея медленно подтекала ближе ко мне и начала пропитывать рукава кофты, но на этот раз я не рискнул пошевелиться. Даже когда она испачкала всю одежду и покрыла мои маленькие пальцы. На помощь пришли еще двое папиных людей. Но безумец был похож на разъяренного медведя. Я лежал неподвижно, слушая крики мучительной боли, страданий и ярости, и смотрел, как мертвые тела одно за другим падают на пол. Лужи крови были повсюду.

Отец закричал, когда безумец вытащил его из-за барной стойки. Я дернулся вперед, желая помочь ему, но его глаза заметили мое движение, приказывая оставаться на месте. Плохой дядя проследил за взглядом отца. Его лицо было как

у монстра: покрытое кровью и искаженное от ярости. Я пригнул голову, боясь, что меня заметят. Однако безумец продолжил тащить папу к стулу.

Я знал, что не стоит нарушать приказы отца, поэтому оставался неподвижным, как мне казалось, целую вечность, хотя, скорее всего, прошло несколько минут. Плохой дядя начал наносить удары отцу и кандидату, который был все еще жив. Я больше не мог смотреть на это и крепко зажмурил глаза, отчего в висках начало пульсировать. Я прижал руки ко лбу. Грудь и ладони были теплыми от крови, а штаны от того, что я в них помочился. Все провоняло мочой и кровью. Я задержал дыхание, но в груди больно сдавило, поэтому пришлось сделать глубокий вдох. Я начал считать секунды, думая о мороженом, жареном беконе и фирменном лаймовом пироге мамы, но крики были слишком громкими. Они вытесняли все хорошие воспоминания.

Наконец вокруг воцарилась тишина, и я осмелился поднять голову. Глаза наполнялись слезами, пока я оглядывался вокруг. Повсюду были куски плоти и лужи крови. Меня затрясло и вырвало, от желчи в горле начало саднить, а потом я замер, боясь, что плохой дядя где-то поблизости и собирается убить меня. Я не хотел умирать. Я начал плакать, но быстро вытер слезы. Отец ненавидел слезы. Какое-то время я прислушивался к биению собственного сердца, которое звенело у меня в ушах и вибрировало в костях, пока не успокоился и мое зрение не прояснилось.

Я огляделся вокруг в поисках безумца, но его нигде не было. Входная дверь оказалась открыта, и все же я долго ждал, прежде чем наконец выполз из-под дивана. Моя одежда была испачкана кровью и пропахла мочой, я жутко проголодался и хотел пить, но не ушел. Я стоял среди разорванных на части людей, которых знал всю свою жизнь, людей, которые больше походили на нормальную семью, чем та, что у меня была. Я почти никого из них не узнал. Их тела были изуродованы.

С отцом обошлись хуже всего. Его лицо было изуродовано. Только благодаря тату на его шее с изображением черепа, извергающего огонь, я понял, что это папа. Я хотел попроситься с ним, но не решился подойти ближе к тому, что осталось от него. Он выглядел пугающе. В конце концов я выбежал на улицу и бежал без остановки, пока не добрался до дома знакомой старушки, жены казначея. Прежде я навещал ее всего несколько раз, и она пекла для меня печенье. Когда она увидела меня всего в крови, то сразу поняла, что случилось нечто ужасное.

– Они мертвы, – прошептал я. – Все мертвы.

Старушка попыталась дозвониться до своего старика, потом до моего отца и других членов мотоклуба, но никто не ответил. В итоге она позвонила моей маме, чтобы та меня забрала, а после помыла, пока я ждал, когда за мной приедут. Когда мама приехала, она была бледна как полотно.

– Идем, нам нужно уходить.

Она взяла меня за руку.

– А как же папа?

– Мы ничего больше не можем сделать для него. Нам опасно оставаться в Нью-Йорке. Мы должны уехать, Мэддокс, и мы никогда не сможем вернуться сюда. – Мама потащила меня к нашему старому Форду Мустанг и усадила на пассажирское сиденье. Машина была вся забита сумками так, что я не мог ничего увидеть в окне заднего вида.

– Мы уезжаем? – озадаченно спросил я.

Мама вставила ключ в замок зажигания:

– Ты не расслышал? Мы должны уехать навсегда. Эта территория больше не принадлежит «Тартару». Теперь мы будем жить с твоим дядей в Техасе. Там будет твой новый дом.

Моя мама сразу позвонила дяде Эрлу с просьбой о помощи. У нее не осталось денег, которые отец всегда ей давал, хотя они вечно ругались и больше не жили вместе. Эрл согласился приютить нас. Так мы и переехали в Техас. В итоге мама стала старушкой Эрла, и у них родился мой брат Грей.

Техас стал моим временным домом, сердце всегда требо-

вало вернуться туда, где я родился, чтобы отстоять то, что принадлежало мне по праву, и отомстить.

Много лет я не возвращался в Нью-Джерси, но когда наконец сделал это, то лишь с одной целью, – чтобы убить Луку Витиелло.

Марселла

Марселле пять лет

Я сидела на краю кровати, болтая ногами, и не сводила глаз с двери, ожидая, когда она откроется. Уже было семь часов утра. Мама всегда будила меня в это время. Стрелки часов подкрадывались к 7:01, и я начала слезать с кровати. Почему именно сегодня мама опаздывает?

Я не могла больше ждать.

Дверная ручка дернулась, и я замерла, усевшись обратно

на матрас и наблюдая, как мама заглядывает внутрь. Увидев меня, она засмеялась, и ее лицо засияло:

– И давно ты не спишь?

Я пожала плечами и спрыгнула с кровати.

Мама шагнула мне навстречу и крепко обняла.

– С днем рождения, дорогая.

Я начала извиваться, отчаянно желая спуститься на нижний этаж. Выскользнув из ее объятий, я спросила:

– Теперь мы можем пойти вниз? Там уже праздник?

Мама снова рассмеялась.

– Еще нет, Марси. Праздник будет позже. Пока дома только мы. А теперь идем, взглянем на твои подарки.

После недолгого момента разочарования я взяла маму за руку и последовала за ней вниз. Я надела любимую розовую пижаму с оборками, в которой чувствовала себя настоящей принцессой. Когда мы спустились по лестнице, папа уже ждал нас в холле. И, не успела я шагнуть на последнюю ступеньку, как папа поднял меня и поцеловал в щеку.

– С днем рождения, принцесса.

Он подбросил меня и понес в гостиную, которая была украшена композицией из розовых и бежевых воздушных шаров в виде арки со словами «С днем рождения», а на столе, рядом с огромным тортом в виде единорога, лежала золотая корона. Другой стол был завален подарками, завернутыми в розовую и золотую упаковочную бумагу. Я бросилась к нему.

– С днем рождения! – крикнул Амо, продолжая наматывать круги вокруг стола, пытаясь привлечь к себе внимание.

– Это подарки от нас с папой, а еще от твоих теть и дядь, – сказала мама, но я слушала ее лишь краем уха, нетерпеливо разворачивая упаковки.

Мне подарили почти все, что я просила. Почти.

Папа погладил меня по голове.

– Ты получишь больше подарков во время празднования.

Я кивнула и улыбнулась.

– Сегодня я буду принцессой.

– Ты и так принцесса.

Мама одарила папу взглядом, который я не смогла понять.

Спустя несколько часов дом был полон друзей, членов семьи и людей, которые работали на папу. Все они пришли, чтобы отпраздновать день рождения со мной. Я надела платье принцессы и корону. Мне нравилось, что все дарили мне подарки, поздравляли и пели песню «С днем рождения». Башня из подарков была в три раза выше меня. Уже ночью, когда мои глаза слипались от усталости, папа отнес меня в мою комнату.

– Нам нужно переодеть тебя в пижаму, – прошептал он, укладывая меня в постель.

Я обняла его за шею и решительно покачала головой.

– Нет, я хочу остаться в платье принцессы. И в короне, – добавила я, зевнув.

Папа усмехнулся.

– Ты можешь спать в платье, но в короне будет неудобно. – Он бережно снял ее с меня и положил на прикроватный столик.

– Я все равно принцесса, даже без короны?

– Ты всегда будешь моей принцессой, Марси.

Я улыбнулась.

– Обнимешь меня, чтобы я заснула?

Папа кивнул и неуклюже растянулся рядом со мной, его ноги свисали с кровати, которая была для него слишком маленькой. Он обнял меня, и я прижалась щекой к его груди, закрыв глаза. Мой папа был лучшим папой на свете.

– Пап, я люблю тебя. И никогда не брошу. Я всегда буду жить с тобой и мамой.

Папа поцеловал меня в висок.

– И я тебя люблю, принцесса.

Глава 2

Марселла

Легкое покачивание гамака ублаживало меня, пока я наблюдала за плеском пенных волн у причала и пляжа. В солнечные дни гамак был моим любимым местом в нашем особняке в Хэмптоне. С начала июня выдалось много жарких, солнечных деньков, но у меня не было свободного времени, чтобы насладиться ими.

Выдохнув, я пошевелила пальцами ног. Последние несколько дней сильно вымотали меня, поэтому пара дней отдыха были просто необходимы. На организацию моего девятнадцатого дня рождения ушли недели подготовки. Нужно было продегустировать торт и все меню, выбрать одежду,

составить список гостей и сделать еще кучу всего. Даже организатор мероприятия почти не смог сократить мой объем работы. Все должно было быть безупречно. Мой день рождения всегда считался одним из важнейших светских мероприятий года.

После грандиозной вечеринки два дня тому назад, мама взяла меня и двух моих младших братьев – Амо и Валерио, провести неделю так необходимого отдыха в Хэмптоне. Конечно, Валерио не понимал, в чем заключается смысл отдыха. Он разгонялся по волнам на водных лыжах, пока один из телохранителей управлял лодкой в опасной манере, лишь бы угодить ему. Не думаю, что у меня в мои восемь лет было столько же энергии, сколько у этого ребенка.

Мама читала книгу на шезлонге в тени, ее светлые волосы обрамляли лицо беспорядочными пляжными локонами. Мои волосы всегда оставались прямыми, и даже день, проведенный на пляже, не изменил их. Правда, они были угольно-черного цвета, а не светлые, как у мамы.

«Черные, как твоя душа», – любил шутить об этом Амо. Мои глаза прожигали в нем дыру. Он установил тренажеры для уличного кроссфита² и паркура в той стороне участка, которой мы меньше всего пользовались, и тренировались каждый день. И судя по выражению его лица, это больше

² CrossFit – направление фитнеса, основанное на серии постоянно меняющихся силовых упражнений высокой интенсивности, включающих в себя анаэробные упражнения, тяжелую атлетику и гимнастику.

походило на добровольные пытки. Я же предпочитала курс по пилатесу тети Джианны. Конечно, благодаря такой целеустремленности, в свои пятнадцать Амо выглядел как Халк.

Раздвижные двери открылись, и наша прислуга, Лора, вышла с подносом в руках. Я спустила ноги с гамака и улыбнулась, когда увидела, что она приготовила наш любимый клубничный лимонад. Этот напиток освежал даже в самые жаркие дни лета. Лора наполнила стакан и протянула его мне.

– Спасибо, – произнесла я и задрожала от наслаждения, сделав глоток.

Лора поставила тарелку с кусочками замороженного ананаса на приставной столик.

– Ананас не такой вкусный, как в прошлый раз.

Я положила кусочек в рот. Он был кисловат. Я вздохнула.

– Не всегда удается приготовить вкусную еду.

Амо подбежал к нам, по его блестящему торсу стекал пот.

– Только попробуй забрызгать потом мою еду, – предупредила я.

Амо начал демонстративно отряхиваться, как мокрая собака, и я вскочила с гамака, сделав несколько шагов назад, чтобы уберечь свой напиток. Братская любовь зашла слишком далеко...

Он съел несколько кусочков моего ананаса, даже не извинившись.

– Почему бы тебе не пойти и не взять еду для себя?

Я указала на Лору, которая в этот момент подавала напиток и фрукты маме. Брат кивнул на книгу по маркетинговой аналитике, лежащую на приставном столике.

– Сейчас лето. Тебе обязательно таскать с собой домашнее задание? Ты все равно лучшая в классе.

– Я лучшая в классе именно потому, что везде таскаю с собой домашнее задание, – пробормотала я. – Все ждут, когда я допущу ошибку. Не дождуся.

Амо пожал плечами.

– Не понимаю, почему тебя это так заботит. Марси, ты не можешь всегда быть идеальной. Они все равно найдут то, что им в тебе не нравится. Даже если ты организуешь вечеринку века по случаю дня рождения, кто-то обязательно будет недоволен тем, что гребешки не так приготовлены.

Я напряглась.

– Я несколько раз говорила шеф-повару, чтобы он был предельно осторожен с гребешками, потому что... – Я прервалась, когда заметила ухмылку Амо. Он меня разыграл. – Идиот.

– Просто расслабься, ради всего святого.

– Я расслаблена, – сказала я.

Амо бросил на меня взгляд, который давал понять, что я была какой угодно, только не расслабленной.

– Ну так что, гребешки были приготовлены правильно или нет?

Амо тяжело вздохнул.

– Они были идеальны, не надо так переживать. И знаешь что? Ты все равно не будешь нравиться многим людям, даже если гребешки будут лучшими в мире.

– Я не хочу им нравиться, – твердо сказала я. – Я хочу, чтобы они меня уважали.

Амо пожал плечами.

– Они и так тебя уважают. Ты же Витиелло.

Он побежал за Лорой, чтобы заполучить как можно больше ананаса и лимонада. Для него этот разговор закончился. Амо был будущим главой Семьи, и на него не оказывали особого давления. А от меня, как от самого старшего ребенка в семье Витиелло и как от девушки, ожидали слишком многого. Мне оставалось только не подвести. Я должна была выглядеть красивой и нравственно безупречной, чистой как снег, но в тоже время достаточно прогрессивной, чтобы представлять новое поколение нью-йоркской Семьи. Амо получал плохие оценки, спал со всеми подряд и ни о чем не волновался, на что все вокруг просто говорили, что он мальчик и с возрастом все пройдет. Если бы я хоть раз сделала что-то подобное, я была бы мертва для общества.

Мой телефон запищал от сообщения Джованни.

Я скучаю. Если бы у меня не было так много работы, я бы приехал.

Я чуть было не ответила, но смогла себя отдернуть. Я бы-

ла рада, что стажировка в юридической фирме Франческо, адвоката Семьи, занимала почти все его время. Мне было необходимо провести несколько дней вдали от Джованни после нашей мини-ссоры на мой день рождения. Если бы мне не удалось подавить свое недовольство до официальной вечеринки по случаю нашей помолвки, то стало бы трудно продолжать играть влюбленного подростка.

Отключив звук на телефоне, я положила его на стол экраном вниз и схватила книгу. Я была погружена в особо интересную часть сюжета, когда на меня упала тень.

Подняв глаза, я увидела папу, возвышающегося надо мной. Он остался в Нью-Йорке по неотложному делу, связанному с «Братвой».

– Моя принцесса как всегда трудолюбива, – сказал он и наклонился, чтобы поцеловать меня в макушку.

– Как прошла деловая встреча? – с любопытством поинтересовалась я, откладывая книгу.

Папа сдержанно улыбнулся.

– Тебе не о чем переживать. У нас все под контролем.

Я стиснула зубы, борясь с желанием расспросить о большем. Взгляд папы устремился на Амо, который тут же прекратил тренировку и подбежал к нам. Отец хотел, чтобы Амо принимал участие во всем, что происходило между «Братвой» и Семьей, но мама отговорила его от этого. Она не могла перестать защищать его.

– Привет, пап, – сказал Амо. – Было весело проламывать

головы «Братве»?

– Амо. – В голосе отца ощущалось предупреждение.

– Марси не слепая. Она знает, что происходит.

Порой мне казалось, что я понимаю жестокость папиной работы лучше, чем Амо. Брат по-прежнему считал это развлечением и не видел никакой опасности. Пожалуй, мама была права, когда решила держать его подальше от больших боев. Его бы точно убили.

– Мне нужно с тобой поговорить. Спускайся со мной в лодку, – сказал отец Амо.

Тот кивнул.

– Дай мне только захватить сэндвич. Я умираю с голоду. – Он побежал обратно в дом, вероятно, чтобы выпросить у Лоры жареный сэндвич с сыром. Папино лицо напряглось от недовольства. Очевидно, он хотел поговорить немедленно.

– Он считает конфликт с «Тартаром» и «Братвой» развлечением, похожим на очередной уровень из компьютерной игры. Ему пора повзрослеть, – сказал папа. Его взгляд переметнулся на меня, словно он забыл, что я рядом.

Я пожала плечами.

– Ему пятнадцать. Рано или поздно он повзрослеет и осознает свою ответственность.

– Мне бы хотелось, чтобы он стал таким же ответственным и разумным, как ты.

– Девушкам проще с этим, – сказала я с улыбкой. Но еще это означало, что моя ответственность и ум никогда мне не

пригодятся. Я никогда не смогу участвовать в делах Семьи.

Папа ободряюще кивнул.

– Не волнуйся насчет всего этого, принцесса. У тебя и так достаточно забот с колледжем, помолвкой, планированием свадебного банкета и... – Он замолчал, словно не знал, чем еще я занимаюсь в свободное время. У нас с папой было не так много общих интересов, но не потому, что меня не интересовали дела Семьи, а потому, что он не хотел вовлекать меня в них. Вместо этого папа пытался проявить интерес к вещам, которые, по его мнению, мне нравились, а я делала вид, что они мне и вправду нравятся.

– Вечеринка уже запланирована. И до свадьбы еще много времени. – Вечеринка в честь нашей с Джованни помолвки должна была состояться через две недели, хотя мы были обручены уже почти два года, и до свадьбы оставалось еще два года. Впереди меня ожидало тщательно спланированное будущее.

– Я знаю, ты любишь, когда все идеально. – Папа дотронулся до моей щеки. – Джованни придет?

– Нет, – ответила я. – Он слишком занят.

Отец нахмурился.

– Я мог бы позвонить Франческо и сказать, чтобы он дал Джованни пару выходных, если ты хочешь...

– Нет.

Глаза папы сузились.

– Он...

– Он ничего не сделал, пап, – твердо сказала я. – Мне просто нужно немножко времени, чтобы заняться учебой и подумать о цветовой гамме для вечеринки, – солгала и широко улыбнулась, как будто не могла придумать лучшего способа провести день, чем размышлять над разницей между кремовыми и желтовато-белыми оттенками. Я еще даже не начала планировать свадьбу и ни капельки не чувствовала себя обязанной заниматься этим прямо сейчас. Через пару дней отдыха от праздничной суеты после дня рождения я, вероятно, воспряну духом.

Амо вышел из дома с тремя сэндвичами на тарелке, запихивая в рот четвертый. Если бы я так питалась, то могла бы распрощаться с просветом между бедрами. Папа вновь поцеловал меня в макушку, прежде чем спустился с Амо к пристани, чтобы обсудить дела Семьи. Я глубоко вздохнула и взяла книгу, погружая себя в происходящее на ее страницах. Папа хотел защитить меня от нашего мира, мне лишь следовало с этим смириться.

Мэддокс

– Ты знаешь, к чему все это? – спросил Гуннар, как только подъехал к моему «Харлею». Я взмахнул рукой и провел по своим растрепанным волосам. У меня еще никогда не было такой короткой стрижки. Я оставил длину только на макушке, чтобы зачесывать волосы назад, но из-за шлема на голове все равно было черт-те что.

– Эрл мне ничего не сказал.

Гуннар слез со своего мотоцикла старой модели с обилием хромированных деталей. Мой же байк марки «Фэт Бой» был полностью черный, даже спицы были матово-черными. Единственным ярким элементом на нем была надпись «Мотоклуб “Тартар”», вышитая кроваво-красным цветом на кожаном сиденье рядом с изображением адской гончей.

Гуннар огляделся.

— А где мальчишка?

— Наверное, потерялся в чьей-то киске, — с усмешкой сказал я, пока мы направлялись в сторону клуба. За последние два года это была четвертая по счету база клуба, в которой мы засели. Витиелло и его люди продолжали вынюхивать наше местоположение, поэтому нам неоднократно приходилось покидать старые места. Еще одной резни допустить было нельзя.

Мы расселись вокруг дубового стола, за которым нас уже ждал Эрл, развалившийся в своем чертовом массажном кресле. Нам приходилось таскать это тяжелое кресло с одной базы на другую. Эрл выглядел так, будто выиграл гребаную Нобелевскую премию. Все больше братьев по клубу рассаживались вокруг стола, пока не собрались все члены «Тар-тара» с правом голоса. Кроме одного. Эрл покачал головой, встал и передвинул незанятый стул от стола в угол комнаты. Затем вернулся и устроился в своем президентском кресле, готовый начать собрание.

Дверь распахнулась, и, шатаясь, вошел Грей с расстегнутой ширинкой и в надетой наизнанку байкерской жилетке. Его длинные светлые волосы были в полном беспорядке. Я подавил улыбку. Этому мальчишке предстояло многое пройти, прежде чем стать взрослым.

Лицо Эрла помрачнело, еще сильнее подчеркнув многочисленные шрамы. У нас с Греем был его цвет волос, но у Эр-

ла с годами они стали седыми.

– Ты опоздал.

Грей, казалось, становился все меньше, пока, спотыкаясь, направлялся к своему обычному месту у стола. Он остановился, когда понял, что его стул пропал. Начал оглядываться по сторонам и, наконец заметив его в углу, двинулся за ним.

– Ты будешь сидеть в углу, пока не научишься приходить вовремя, сынок, – гаркнул Эрл.

Грей бросил на него недоверчивый взгляд, но, судя по злобному блеску в глазах Эрла, тот явно ни черта не шутил.

– Садись или проваливай, – рявкнул он. – И надень свою чертову жилетку правильно, идиот.

Грей взглянул на себя, его глаза округлились. Он неуклюже снял жилетку, затем вывернул ее и надел обратно, прежде чем усесться в углу.

– Закончил? У меня нет времени. Нам надо кое-что обсудить.

Грей кивнул, готовый провалиться на месте.

Подмигнув ему, я расслабился, откинувшись на обитый подголовник своего стула. Эрл попросил плотника сделать тяжелые стулья из красного дерева с красной обивкой, чтобы наш стол для переговоров выглядел по-королевски. Даже его массажное кресло было обито красным атласом. Конечно же, все пошло под откос после того, как Эрл умудрился оставить первый след от сигареты на дорогой ткани.

Грей ссутулился на стуле, выглядя нелепо и испуганно.

Он всегда принимал близко к сердцу порицания Эрла. Наверное, он вел себя так из-за возраста, но, когда мне было семнадцать, я не жаждал одобрения дяди так сильно. Правда, мне Эрл всегда давал добро охотнее, чем своему сыну. Хотя теплых слов в свой адрес я никогда не получал. Раньше всего добрыми словами меня начали баловать женщины, а не братья по клубу, и уж тем более не мой дядя.

– Так в чем дело, президент? – спросил Коди.

Неодобрение на лице Эрла сменилось на хитрую улыбку.

– Я придумал идеальный план, как надрать задницу Витиелло.

– Ну и ну, – сказал я. – И что же пришло в твою гениальную голову?

– Мы похитим Марселлу Витиелло.

– Его дочь? – ошарашенно спросил Грей. Его откровенное потрясение отразило мои собственные эмоции, только я научился это скрывать. Позже я поговорю с Эрлом наедине по поводу своих опасений.

Дядя сурово посмотрел на сына.

– А кого же еще? Или ты знаешь еще кого-то с таким же гребаным именем? От того, как ты порой себя ведешь, складывается впечатление, что бог явно обделил тебя мозгами.

Шея Грея покраснела – явный признак смущения.

– Думаешь, Луке Витиелло не будет наплевать, если мы похитим его дочурку? Она же не наследница. Может, нам лучше похитить его сына-переростка? – предложил Коди.

Он был управляющим службой безопасности клуба, и его чертовски не устраивало то, что вице-президентом сделали меня, а не его.

— Он с нас скальп снимет, — пробормотал я, отчего все вокруг засмеялись, кроме Коди и Грея, которые все еще пытались скрыть свою задетую гордость.

— Я хочу, чтобы ты присмотрелся к ней, Мэддокс. Ты будешь руководить процессом, — сказал Эрл.

Я кивнул. Это личное. Даже если бы дядя не попросил меня возглавить операцию, я бы настоял на том, чтобы стать ее частью. Избалованная принцесса Витиелло будет моей.

Эрл швырнул мне газетную статью. В заголовке говорилось о помолвке Марселлы с каким-то слащавым придурком, но мой взгляд был прикован к фотографии ниже.

— Черт, — прошептал я. — Это она?

Некоторые мужики тихо свистнули. Эрл смотрел с вождением.

— Шлюха, которая будет стоять Витиелло всего его состояния и жизни.

— Они точно наложили какой-то фильтр. Нельзя быть настолько красивой, — сказал Гуннар. — Думаю, мой член отвалился бы от трепета, если бы когда-нибудь приблизился к ее киске.

— Не переживай, этого никогда не произойдет, — сказал я, подмигнув. — Твоя старушка наверняка отрежет его еще до того, как ты подберешься к девчонке.

Гуннар схватился за сердце. Он был казначеем клуба вот уже десять лет и напоминал поведением отца больше, чем Эрл.

– Фотографию точно обработали, – сказал другой член клуба.

Нельзя было не согласиться. Витиелло, вероятно, накинул денег фотографам, чтобы те отретушировали снимки его дочери до такой степени, что она стала похожа на привидение. Длинные черные волосы, бледная кожа, небесно-голубые глаза и пухлые красные губы. Придурок рядом с ней, в рубашке на пуговицах и с тщательно причесанными темными волосами, выглядел как ее налоговый консультант, а не как тот, кто делал ее мокрой.

– Как Белоснежка, – прошептал я.

– Что? – спросил Эрл.

Я помотал головой, отрывая взгляд от фотографии.

– Ничего. – Если буду говорить как гребаный придурок, это не принесет мне никакой пользы. – Думаю, она под усиленной охраной.

– Само собой. Витиелло держит жену и дочь в золотой клетке. Твоя задача найти лазейку, Мэд. Уж если кто и способен это сделать, то только ты.

Я рассеянно кивнул, еще раз рассмотрев фотографию. Риск был моим коньком, но с годами я стал более осторожным. Я уже не какой-нибудь подросток. В двадцать пять лет я понял, что не достигну своей цели, если меня убьют

прежде, чем я отомщу.

Мой взгляд вернулся обратно к фотографии, словно кто-то потянул за невидимые ниточки. Слишком прекрасна, чтобы оказаться реальной.

Моей целью был Витиелло, а не его семья, и уж точно не его дети. Почему-то меня чертовски раздражало, что он умудрился стать отцом такой сногшибательной дочери. Я правда надеялся, что фотографии сильно отредактировали, и Марселла, мать вашу, Витиелло была уродиной в реальной жизни.

Я был одет в простую одежду, когда следил за Марселлой в первый раз. Ее телохранители заподозрили бы неладное, если бы парень на мотоцикле часто маячил поблизости. Витиелло наверняка раздал своим солдатам фотографии всех известных членов нашего клуба, чтобы те могли убить нас прямо на месте. К счастью, в последние несколько лет я залег на дно, лишился мальчишеских черт лица и отрезал свои длинные волосы, которые носил, когда был подростком. В те безумные года, которые едва не стоили мне жизни, я получил

прозвище Бешеный. Сразу после возвращения в Нью-Йорк я совершал один налет за другим на заведения Семьи, пока пуля не задела голову и чуть не оборвала мою жизнь. Я умру только тогда, когда Витиелло получит то, что заслужил, и ни днем ранее.

Сегодня я даже надел проклятую водолазку с длинными рукавами, чтобы скрыть татуировки и шрамы. Я выглядел как чертова мечта тещи. Но даже в таком виде старался держаться на расстоянии. Телохранители Марселлы были осмотрительны настолько, насколько это можно было ожидать от солдат Луки Витиелло. Им пришлось бы отвечать перед ним, если бы что-то случилось с его драгоценной дочуркой. Но хуже выбора одежды была только «Тойота Приус», которую Эрл подогнал мне, чтобы следить за нашей целью. Я скучал по своему байку, по вибрации между бедрами, по звуку и ветру. За рулем машины я чувствовал себя идиотом. Но благодаря маскировке у меня и была возможность следить за машиной Марселлы с близкого расстояния. Когда они, наконец, остановились рядом с дорогим бутиком, я припарковался за несколько машин от него. И вышел из автомобиля как раз в тот момент, когда один из телохранителей открыл заднюю дверь для Марселлы. Первым, что я увидел, была длинная, стройная нога в красной туфле на высоком каблуке. Даже чертова подошва была красного цвета.

Когда Марселла полностью вышла из машины, мне пришлось подавить желание выругаться. Эта девушка не нужда-

лась в фильтрах. На ней было красное летнее платье, подчеркивающее осиную талию и круглую попку, а ноги казались бесконечными, несмотря на ее миниатюрный рост. Я заставил себя продолжить осматривать витрины магазинов, поскольку застыл на месте с того момента, как заметил принцессу Витиелло. Ее походка говорила о непоколебимой уверенности. Она ни разу не споткнулась, несмотря на возмутительно высокие каблуки. Эта девушка ходила по улицам так, словно они принадлежали ей: с высоко поднятой головой, холодным и мучительно красивым выражением лица. Бывают милые девушки, бывают красивые, а бывают такие, которые заставляют мужчин и женщин останавливаться и любоваться ими с отвисшей челюстью. Марселла относилась к последней категории.

Когда она скрылась за дверью магазина, я потряс головой, словно пытался прийти в себя от ее чар. Мне нужно было сосредоточиться. Внешность Марселлы не имела абсолютно никакого отношения к нашему заданию. Обезумевшая защита Витиелло была единственным, что имело значение. Если Марселла окажется в наших руках, этот ублюдок начнет плясать под нашу дудку, а после поплатится за все.

Вернувшись на базу вечером, я снял проклятую водолазку и вздохнул с облегчением. Я спустился к бару в одних боксерах и взял банку пива. Мэри-Лу вышла из комнаты Грея в тот момент, когда я открыл свою дверь. Она была одета в короткие шортики и майку без лифчика.

Как только Мэри-Лу меня заметила, ее глаза загорелись.
– Похоже, тебе нужна компания.

Чтобы отвлечься от мыслей о Марселле Витиелло, мне нужны были пара глотков пива и женское тело.

– И, как я понимаю, ты хочешь стать этой компанией?

Она подошла ко мне и провела ногтями вниз по моей голый груди, как обычно дернув за пирсинг на моем соске. А затем прижалась ко мне, будто собиралась поцеловать.

– Ты только что делала Грея минет этим ртом? – спросил я с ухмылкой.

Мэри-Лу покраснела.

– Он вырубился прежде, чем...

– Лу, я не хочу знать, кончил ли мой брат тебе в рот, – пробормотал я, а затем раскрыл дверь пошире. – Никаких поцелуев, но я в настроении для минета и обещаю не отклю-

читься раньше, чем кончу в твой прелестный ротик.

Она хихикнула, когда я шлепнул ее по попке и закрыл за нами дверь. Лу была нашей клубной девушкой только для секса, однако мечтала стать чьей-то старушкой-женой. Но уж точно не моей.

Я проснулся посреди ночи ото сна – или, быть может, от кошмара, зависит от того, с какой стороны посмотреть. Последние отголоски сна все еще крутились в голове: голубые глаза, глядящие на меня сверху вниз; красные губы, приоткрытые от наслаждения, и мой рот на ее киске.

Мои глаза широко распахнулись. Черт. Сон, в котором я довожу Марселлу Витиелло до оргазма своим языком, – это, мать вашу, последнее, о чем мне следовало думать. Теплое тело зашевелилось рядом со мной. Пульс подскочил, и мне стало интересно: а что, если каким-то образом я смог забыть о похищении Марселлы и мне удалось затащить ее к себе в постель?

– Мэд? – слышался сонный голос Лу, и мое сердцебиение замедлилось.

– Спи, – грубо сказал я. Мой член пульсировал от чрезмерного притока крови. Последний раз я просыпался с таким мощным стояком, когда был подростком.

Лу подползла ко мне и начала поглаживать мой член рукой.

– Хочешь, чтобы я сделала тебе минет?

Я хотел, черт возьми, но мог думать лишь о Марселле.

Эти мысли приведут к самым ужасным последствиям.

– Нет, ложись спать.

Спустя несколько минут ее дыхание выровнялось, а я продолжил смотреть в потолок, игнорируя свой пульсирующий член.

Следовало догадаться, что отродье Витиелло превратило бы мою жизнь в ад еще до того, как оказалось бы в наших руках. Ее отец годами преследовал меня в ночных кошмарах. Но теперь это место заняла его дочь.

Глава 3

Марселла

Я в последний раз взглянула на свое отражение в зеркале. Все было идеально. Ровно в четыре часа дня раздался звонок в дверь. Джованни как всегда вовремя. Он никогда не опаздывал и никогда не приходил раньше положенного. Поначалу я находила его желание угодить мне, а особенно моему отцу, очаровательным. Но теперь, когда Джованни зашел в холл после того, как наша прислуга Лора впустила его, мне пришлось подавить раздражение.

Он был одет в идеально выглаженную рубашку и брюки, а волосы, несмотря на разразившуюся снаружи грозу, были уложены волосок к волоску. Я спустилась по лестнице, что-

бы поздороваться с ним. Когда я встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в губы, Джованни быстро увернулся и чмокнул мою ладонь, бросив осторожный взгляд на Лору, которая демонстративно смотрела куда угодно, только не на нас. Я глянула на Джованни, больше не в силах скрывать раздражение.

– Папы нет дома, а даже если бы и был, то он знает, что мы пара. Ради всего святого, мы помолвлены.

Я понимала, что мои слова ни капли не повлияли на Джованни. Его страх перед моим отцом был слишком велик. Это не было новостью и давно не вызывало особого шока. Джованни одарил меня одной из своих умоляющих улыбок, которые всегда выглядели немного мучительными. Он взял меня за руку.

– Давай поднимемся в мою комнату, – сказала я, переплетая наши пальцы.

Джованни замешкался.

– Разве я не должен сначала поприветствовать твою маму? Это была его жалкая попытка выяснить, была ли моя мама дома.

– Ее здесь тоже нет, – иронично сказала я, теряя самообладание.

В конце концов Джованни последовал за мной вверх по лестнице, однако я по-прежнему ощущала его напряжение. Но как только мы поднялись на второй этаж, оно исчезло.

– А твой брат? Пока твоего отца нет дома, хозяин он.

– Мой брат в своей комнате, вероятно, играет в «Фортнайт»³, ну, или чем он там еще увлекается. В общем, ему все равно, поздороваяешься ты с ним или нет.

– Но, может, нам стоит предупредить его о моем присутствии.

Я уже начала терять терпение. Прищурившись, сказала:

– Он знает, что ты пришел, и ему наплевать на это. Я самая старшая Витиелло в доме.

– Но ты...

...девушка.

Ему и не нужно было это говорить. В нашем мире только у женщин нет права голоса. Я подавила новую волну недовольства.

– Ты не незнакомец, Джованни. Ты мой гребанный жених.

Он ненавидел, когда я выражалась. Считал это неподобающим для леди и неподходящим для дочери дона, именно поэтому я говорила так, чтобы позлить его. У Джованни, очевидно, тоже не было проблем с игрой на моих нервах из-за его страха остаться со мной наедине.

После очередного спора о том, нужно ли оставить дверь моей комнаты открытой, мы наконец устроились на кровати. Я бы сказала, что Джованни не нравились наши поцелуи. Его язык был похож на мертвую улитку в моем рту. Поцелуи

³ Fortnite – компьютерная онлайн-игра, в которой на карте сражаются сто игроков. Цель каждого – остаться единственным выжившим. Для победы необходимо искать оружие и боеприпасы, возводить защитные постройки и, несомненно, вести борьбу с другими выжившими игроками.

с ним никогда не будоражили мою кровь. Словно он находился в сотнях километров отсюда. С соблазнительной улыбкой я встала с кровати и стянула платье через голову, показывая свой новый комплект нижнего белья от La Perla, который купила на прошлой неделе в надежде, что кто-то помимо меня его увидит. Трусики и лифчик были из черного кружева, открывавшего слабый намек на соски.

Глаза Джованни расширились, он жадно рассматривал меня, и во мне загорелась надежда. Может, мы и вправду сдвинулись с мертвой точки. Но, забравшись обратно на кровать, по выражению лица Джованни я поняла, что страх опять взял над ним вверх, будто я принуждала его. Поцеловав Джованни, я попыталась прижаться к нему, но он приподнялся на руках, нависая надо мной с лицом, полным мучения. Я почувствовала, как краснеют мои щеки из-за его отказа. Я не понимала, почему продолжала чувствовать себя так, ведь эти отказы стали чем-то болезненно обыденным.

Джованни помотал головой.

– Марселла, я не могу. Твой отец убьет меня, если узнает.

– Но моего отца нет дома, – сквозь зубы процедила я.

И все же он был здесь. Папа всегда находился рядом, когда я оставалась наедине с Джованни, хоть и не физически. Он постоянно был у Джованни в голове. Отца боялись все, в том числе и мой жених. Куда бы я ни пошла, папина тень всегда следовала за мной. Больше всего на свете я любила свою семью, но в такие моменты хотела быть кем угодно, толь-

ко не Марселлой Витиелло. Пусть даже папа разрешил мне встречаться с парнем, но одним только своим существованием продолжал навязывать старые традиции, которые формально я больше не была обязана чтить. От меня по-прежнему ожидали, что я останусь девственницей до первой брачной ночи, но чем бы мы с Джованни ни занимались – это была наша проблема. Конечно, если бы у него хватило смелости прикоснуться ко мне.

Я оттолкнула его, и он, не сопротивляясь, сел, откинувшись на спинку кровати. Он выглядел так, будто хотел немедленно прыгнуть отсюда, но боялся обидеть меня. Боялся обидеть меня, боялся моего отца. Всегда чего-то боялся.

– В чем твоя проблема? Мы встречаемся уже больше двух лет, а ты до сих пор не приблизился к моим трусикам.

Я не могла поверить, что начала ссору из-за этого. И не могла поверить, что буквально умоляла своего жениха залезть в них. Всякий раз, когда мои подруги говорили о том, как манипулируют своими парнями с помощью секса, меня охватывала грусть, потому что с большой вероятностью Джованни заплакал бы от облегчения, если бы я перестала приставать к нему на этот счет. Я не чувствовала себя желанной. И не осмеливалась даже говорить с друзьями об этом, приговариваясь, что я та самая хорошая и целомудренная дочь босса Семьи, которая решила подождать до брака. Чего все от меня и хотели.

– Марси... – Джованни начал говорить в таком тоне, будто я была маленькой непослушной девочкой. – Ты знаешь, как обстоят дела.

Я знала. Но речь шла не об общественном мнении. А о его страхе перед моим отцом.

С меня хватит, мне надоело быть желанной на расстоянии.

– Я так больше не могу. Трое в отношениях – это слишком.

Я схватила платье и со злостью натянула его через голову, не переживая о том, что оно порвалось. Платье стоило целое состояние, но я могла купить новое. Я могла получить все, что можно было купить за деньги, и даже больше, если бы отец потянул за нужные ниточки. Все обращались со мной как с принцессой. Избалованная принцесса Нью-Йорка. Я знала, что в наших кругах это прозвище распространилось из-за грязных слухов. Ни на что не годна, кроме как ходить по магазинам и быть красивой. Разумеется, я преуспела как в одном, так и в другом, но ко всему прочему я была лучшей в классе и имела цели, которых мне не суждено было достичь.

– Я никогда... – шокированно сказал Джованни, подползая ко мне.

– Не изменял. Да, ты не делал этого.

Но часть меня хотела, чтобы он изменил. Тогда я могла бы бросить его и отплатить ему тем же. Месть помогла бы мне отвлечься, но растерянное выражение его лица застави-

ло меня почувствовать себя виноватой.

– Мой отец всегда был и будет частью наших отношений. Он станет помехой в нашем браке. Я устала от этого. Ты хочешь жениться на нем или на мне?

Джованни уставился на меня так, будто у меня выросла вторая голова. Это сводило меня с ума. Но это была не его вина. А моя. Это я никогда не была довольна тем, что имела, и желала любви, которая горела бы так ярко, что прорвалась бы сквозь тень отца. Возможно, такой любви и вовсе не существовало, но я еще не была готова принять эту горькую правду.

– Марси, послушай, для начала успокойся. Ты знаешь, я готов целовать землю, по которой ты ходишь. Я боготворю тебя, почитаю. Я буду самым лучшим мужем, каким только смогу стать для тебя.

Он поклонялся мне как недостижимой принцессе. Каждый поцелуй, каждое прикосновение было наполнено заботой, уважением, страхом... страхом перед тем, что сделает мой отец, если Джованни рассердит меня или его. Я не выносила этого.

Вначале его мягкость и сдержанность очаровывали. Он знал, что мой первый поцелуй был с ним, и на этот шаг ему потребовалось три месяца. Но даже тут мне пришлось проявить инициативу. Все последующие шаги в нашей физической близости также были сделаны мной, но их можно было сосчитать по пальцам одной руки. Порой мне казалось, что

я навязываюсь. Хотя обычно парни вслед *мне* сворачивали шею, чтобы хоть глазком глянуть.

Окажись я там, где меня никто не знает, то могла бы каждую ночь проводить с новым парнем. Но я не хотела убежать. Не хотела скрывать то, кем была, и кем был мой папа. Мне лишь хотелось, чтобы кто-нибудь желал меня настолько сильно, что был бы готов пойти на риск против гнева моего отца. Джованни не был этим мужчиной. Я давно поняла это, но продолжала цепляться за наши отношения. Я даже согласилась стать его женой, хотя знала, что он не сможет дать мне то, чего я хочу. Два года, три месяца и четыре дня. Наши отношения не продлятся ни дня больше. Все закончилось спустя десять дней после помолвки. Я уже предвидела, какой скандал вызовет эта новость.

– Все кончено, Джованни. Прости, но я правда так больше не могу.

Развернувшись, я выбежала из комнаты, но Джованни последовал за мной.

– Марси, ты же не серьезно! Твой отец будет в ярости.

Я резко повернулась к нему.

– Мой отец? А что насчет тебя и меня? – Я толкнула его и умчалась прочь. Позади раздавались шаги Джованни, и он догнал меня на лестнице. Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья.

– Марселла. – Его голос звучал тихо и отчаянно. – Ты не можешь так поступить. Мы должны пожениться, как только

ты окончишь университет.

Через два года я получу диплом по маркетингу. Но только от одной мысли продолжить эти отношения, зная, что ничего не изменится, у меня скручивало живот. Я больше не могла это терпеть.

Джованни помотал головой.

– Марси, да ладно тебе. Если хочешь, мы можем пожениться еще раньше и тогда сможем делать все, что ты пожелаешь.

Все, что пожелаю я? Меня накрыла новая волна чувства, что я была нежеланна.

– Я сожалею, что я для тебя такое бремя и тебе настолько сложно физически сблизиться со мной.

– Нет, конечно нет. Это не так. Я хочу тебя. Ты красивая девушка, и я не могу дождаться, когда наконец займусь с тобой любовью.

Он поцеловал мою руку, но я ничего не почувствовала, и, честно говоря, идея заняться любовью с Джованни теперь казалась менее привлекательной, чем когда бы то ни было. Глаза его умоляли меня передумать, но я была полна решимости, хотя и чувствовала себя виноватой. Было бы только хуже, если бы я покончила с этим позже. Рано или поздно я все равно бы сделала это. Я помотала головой.

Джованни крепче сжал мое запястье. Не больно, но близко к этому. Он наклонился ближе.

– Ты знаешь наши традиции. Семья придерживается кон-

сервативных взглядов. Если после двух лет отношений ты не выйдешь за меня замуж, то лишишься своей чести.

– У нас не было ничего, кроме поцелуев, нескольких прикосновений к груди и одного – к промежности. И то я вынуждена была это сделать.

– Но люди подумают, что все было.

Я не могла поверить в его дерзость.

– Это угроза? – прошипела я, готовая врезать ему.

Джованни быстро помотал головой.

– Нет, конечно нет. Я лишь беспокоюсь о твоей репутации, вот и все.

Как любезно с его стороны.

– Амо переспал с половиной Нью-Йорка. Если консерваторы хотят уничтожить чью-то репутацию, им стоит начать с него.

– Он парень, не его жизнь разрушат, а твою.

– Отвали от меня. – Я сделала паузу. – Ах, да, чуть не забыла, ты же не можешь. Ты, скорее всего, наложишь в штаны из-за страха перед моим отцом. Так что уходи. – Я попыталась вырваться из его хватки, но он не отпускал.

Мы не сделали и половины того, чего я хотела, потому что Джованни боялся рисковать. А теперь он осмелился шантажировать меня тем, чего мы не делали, но могли бы? Мудак.

Из гостиной слышались звуки: судя по всему, Амо втыкал в телефон, а теперь встал с дивана и медленно направлялся в нашу сторону.

Я прищурилась, глядя на Джованни.

– Сейчас же отпусти меня, или, клянусь, ты пожалеешь об этом.

Его глаза метнулись к дверному проему, где, заполняя собой все пространство, стоял мой брат с убийственным взглядом. Джованни резко отпустил меня, словно обжегся.

– Мне пора идти, – быстро проговорил он. – Я позвоню тебе завтра, когда ты успокоишься.

Мои глаза расширились от ярости.

– Только попробуй. Между нами все кончено.

Амо подошел ближе.

– Ты уходишь *сейчас же*.

Джованни развернулся и направился к входной двери. Амо последовал за ним и захлопнул дверь. Затем подошел ко мне. Я стояла на последней ступеньке, но брат все равно был выше меня. В его глазах горело желание защитить.

– Что произошло? Хочешь, я догоню его и убью?

Когда другие братья говорили подобное своим сестрам в порыве защиты, это рассматривалось как фигура речи. Амо же был смертельно серьезен. Если бы я произнесла нужные слова, он последовал бы за моим бывшим и прикончил его. Джованни разозлил меня, но он сможет найти свое «долго и счастливо» с кем-то другим, так же, как и я свое.

– Он принуждал тебя к чему-то?

Ну конечно, он подумал, что все было именно так. Никто не поверит, что это я умоляла мужчину прикоснуться ко мне.

– Нет, – через силу сказала я, чувствуя предательский ком в горле и подступающие к глазам слезы. – Джованни идеальный послушный песик папы, сдержанный джентльмен.

Амо бросил на меня взгляд, который ясно дал понять, что он беспокоился за мой рассудок.

– Если бы перед тобой лежала полуголая девушка, ты бы отказал ей?

Губы Амо сжались от дискомфорта.

– Скорей всего, нет. Но я правда не хочу представлять тебя голой или занимающейся сексом. Если бы отец узнал, он бы убил Джованни только за это.

– Почему? Джованни хорошо обученный послушный песик и не обесчестил меня. – Я стиснула зубы, чувствуя, как глаза заливают слезы. Я не собиралась плакать из-за Джованни.

Какое-то время я думала, что люблю его, но теперь поняла, что просто заставляла себя так думать. Мне нравилась сама мысль о любви к нему. Чувство освобождения, появившееся после того, как я его бросила, было слишком сильным для настоящей любви. И все же грусть поселилась глубоко внутри. Я точно не знала, было ли это сожаление о потерянном времени или об упущенном будущем. Наивно полагала, что смогу заставить себя полюбить, смогу воссоздать то, что было у мамы и папы с помощью одной лишь силы воли, но не смогла.

– Мне нужно подумать, – сказала я и, развернувшись, на-

правилась в свою комнату. Амо был замечательным братом, но говорить с ним об отношениях не имело никакого смысла.

Как только я зашла в комнату, мой взгляд упал на рамку на прикроватной тумбочке. Там стояла фотография нас с Джованни, сделанная на вечеринке по случаю нашей помолвки. Джованни просто светился от счастья, а выражение моего лица казалось... равнодушным. Я никогда не замечала этого раньше, но я не была похожа на девушку, влюбленную в своего жениха. Я выглядела как девушка, исполняющая свой долг.

Подойдя к кровати, я перевернула рамку. От разглядывания фотографии в голове ничего не прояснится.

В своей комнате я чувствовала себя немного потерянно. Каждое мгновение, которое я не проводила с семьей, на тренировке или в колледже, было посвящено Джованни. Теперь это в прошлом. Окажись кто-то на моем месте, ему было бы трудно найти человека, которому можно доверять, любить или быть вместе. Я знала Джованни почти всю свою жизнь, с самого детства он был ее частью. Как сын одного из капитанов отца, он посещал вместе со мной одни и те же общественные мероприятия.

Мне не хотелось об этом думать. Взяв планшет, я уютно устроилась в укромном уголке на широком подоконнике и начала просматривать сайты любимых магазинов. Но даже это не помогло. Поэтому я схватила сумочку и направилась в офис телохранителей, расположенный в соседнем до-

ме, чтобы сказать им, что хочу пройтись по магазинам.

Спустя два часа я вернулась домой с кучей пакетов и бесцеремонно бросила их на пол. Теперь, когда импульсивный шопинг закончился, знакомое чувство опустошения разлилось в моей груди. Подавив его, я схватила пакеты, лежащие ближе всего, и открыла их. Надела платье от Max Mara, затем достала коробку из-под обуви из другого пакета.

Послышались шаги, и появился Амо. Несколько минут он ничего не говорил, а просто стоял в дверном проеме со скрещенными на груди руками, демонстрируя свои выпуклые мышцы.

Я приподняла брови.

– Когда других девушек бросают, они режут навзрыд. Ты же тратишь целое состояние на одежду.

Что-то сжалось в моей груди. Я *почти* заплакала, однако предпочла бы выколоть себе глаза шпильками, прежде чем позволила бы этому случиться.

– Меня никто не бросал, – сказала я, надевая новые черные кожаные лабутены. – Таких девушек, как я, не бросают.

Джованни никогда бы меня не бросил. Но проблема заключалась в том, что я была не до конца уверена, крылась ли причина этого в его страхе перед моим отцом или в его восхищении мной. Я попыталась вспомнить счастливые моменты с Джованни, но ни один из них не имел таких глубоких эмоций, о которых я мечтала.

– Я все еще могу убить его, ты знаешь. Проблем с этим

не будет.

Амо пытался вести себя как папа, но у него не получалось. Пока не получалось.

Я встала и покрутилась, чтобы показать брату свое новое платье.

– Что скажешь?

Он пожал плечами, но в его взгляде по-прежнему отражалось беспокойство.

– Выглядишь неплохо.

– Неплохо? – спросила я. – Я хочу выглядеть сексуально.

Амо приподнял бровь.

– Ты сама чертовски прекрасно знаешь, как выглядишь, и я не стану называть свою сестру сексуальной.

– Я хочу пойти в клуб.

Брат помотал головой.

– Мама убьет меня, если я завалю еще один экзамен по математике.

Амо провалил экзамен в прошлом году, и только авторитет папы спас его. Теперь мама заставляла его решать тесты по математике даже летом.

Закатив глаза, я подошла к нему и запрокинула голову.

– Серьезно? Ты предпочтешь математику клубу?

Амо вздохнул.

– Кто-то из твоих подруг будет там?

– Половина из них ненавидит тебя, потому что ты их бросил. А другая половина сохнет по тебе, поэтому я держу тебя

от них как можно дальше.

Не говоря уже о том, что никто из них до сих пор не знал о моем расставании, и у меня не было никакого желания сообщать им об этом.

– Тогда я пас.

Я умоляюще посмотрела на него.

– Амо, ну пожалуйста. Ты же знаешь, что мне не разрешают ходить в клуб без тебя. Мне надо отвлечься.

Брат закрыл глаза, пробурчав.

– Черт. Я правда не представляю, как Джованни смог тебе отказать, когда ты строишь такое лицо.

Я одарила его победной улыбкой. Амо, как и отцу, было трудно сказать мне «нет».

– Он был слишком занят, думая о всех способах, какими папа убил бы его.

Брат усмехнулся, достав свой телефон, вероятно, чтобы попросить разрешения у телохранителей.

– Ага. – Его улыбка пропала. – Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Я толкнула его в грудь. Но он даже не сдвинулся с места.

– Я *в порядке*. – Я откинула волосы за плечо. – А теперь давай покажем мужскому населению Нью-Йорка то, что им никогда не достанется.

– Ты такая чертовски тщеславная.

– Сказал мистер Самовлюбленность.

– Когда ты собираешься рассказать обо всем родителям?

Я замешкалась. Это была та тема, которую я не хотела поднимать. Я не боялась, что мама с папой заставят меня пересмотреть свое решение. Мне просто не хотелось объяснять им причину. Конечно, люди в наших кругах тоже будут задавать вопросы, и, если их не удовлетворят мои ответы, они начнут распускать слухи, хотя они в любом случае это делают. Общество жаждало скандала, особенно когда это касалось меня. У меня было больше врагов, чем соратников.

– Завтра утром, когда они вернутся.

У мамы и папы было еженедельное свидание, которое они проводили в отеле. Тем временем Валерио находился с тетей Жианной и дядей Маттео, вероятно, затеявая шалости с нашей двоюродной сестрой Изабеллой. Поэтому дом был в моем с Амо полном распоряжении, ну и телохранителей тоже.

– Мы получили разрешение?

Амо кивнул, отрывая взгляд от телефона.

– Можем отправиться в один из клубов Семьи.

Именно этого я и ожидала. Лишь однажды мы с Амо переступили порог клуба, принадлежащего «Братве», и папа полностью потерял контроль.

– Тогда давай собираться. Я хочу отвлечься.

В клубе было много людей из нашего окружения, поэтому, как только мы с Амо вошли, то сразу оказались под пристальным вниманием. Но мы к этому привыкли и научились игнорировать. Или, по крайней мере, делали вид. С раннего возраста за каждым нашим шагом наблюдали, поэтому мы старались вести себя достойно и хорошо выглядеть на публике. Никакого эмоционального срыва или размазанного макияжа. Папарацци следили за нами слишком часто. Я не желала видеть подобные фотографии в новостных газетах. Это бы выставило мою семью в дурном свете.

Мы с Амо направились к одному из частных балконов с видом на весь танцпол. Поскольку папа владел этим клубом, никого не волновало, были ли мы совершеннолетними для распития алкоголя. И нам не надо было платить тысячу долларов за напитки, даже если в большинстве случаев мы с Амо и нашими друзьями легко превышали эту сумму в разы. Сейчас, когда мы одни, такого не случится. Распивать бутылку «Дом Периньон»⁴ в одиночку или с младшим братом после расставания было слишком грустно. Я снова проверила свой телефон. Спросила двух близких подруг по колледжу Марибель и Констанцию, не хотят ли они присоединиться, но, так как сегодня я должна была идти на свидание с Джованни, у них уже были планы. Проигнорировав их вопросы,

⁴ Знаменитая марка шампанского премиум-класса французского винного дома Moët et Chandon.

почему у меня внезапно появилось время для встречи с ними, я выключила телефон.

На несколько минут мне хотелось забыть о том, что случилось, и кем я была, но из-за осуждающих взглядов последнее было невозможно.

Высоко неся голову, я показывала свое идеальное лицо избалованной принцессы, предоставляя людям именно то, чего они ожидали. Они ненавидели меня, потому что думали, будто я имела все, в то время как единственное, чего я желала больше всего на свете, было мне недоступно. За деньги можно купить все, кроме счастья и любви. Черт, я не могла даже выбрать работу, которую хотела.

Папа никогда бы не позволил мне стать частью их бизнеса, заниматься тем, чем я должна была по праву рождения, и идти по предначертанному мне пути. Откинув волосы через плечо, я заказала бутылку шампанского. Девушки ненавидели меня за то, что в моей жизни было полно роскошных вещей, которые можно было купить за деньги. Мне стало интересно, продолжили ли бы они ненавидеть меня, узнав о невидимых оковах на моих запястьях. Порой я хотела освободиться от них, но для этого мне бы пришлось оставить свою жизнь позади и, что еще хуже, – свою семью.

Глава 4

Мэддокс

Я потратил целую вечность на то, чтобы выглядеть как лучшая версия самого себя, которая соответствовала бы требованиям для входа в клуб. Эрл ничего не хотел слышать о моем плане последовать за Марселлой в один из клубов Витиелло: наверное, переживал, что это опасно или что нас раскроют. Но нет ничего лучше, чем прятаться прямо под носом у врага. Лука никогда бы не подумал, что один из членов мотоклуба «Тартар» переступит порог его заведения. Этот ублюдок был слишком самоуверен. И чтобы гарантировать успех, я выбрал Мэри-Лу своей спутницей. Она могла

хорошо одеться и притвориться, что роскошный клуб Манхэттена – это ее место. Парням в сопровождении девушек, как правило, было легче попасть на такие тусовки.

– Возьми меня за руку, – сказал я, когда мы встали в очередь. Мэри-Лу сразу же сделала это с таким видом, будто я преподнес ей самый большой подарок в мире. Конечно, повлияло еще то, что я дал ей пару сотен баксов, чтобы она стала похожа на цыпочек с Манхэттена.

Когда мы подошли к здоровому тупице, которого Ви-тиелло выбрал вышибалой, он бросил на меня быстрый взгляд, затем посмотрел на Мэри-Лу и жестом разрешил войти в клуб. Оказавшись внутри, Мэри-Лу крепче вцепилась в мою руку. Это была непривычная для меня компания, равно как и музыка, которую я слушал с наслаждением. Монотонный ритм и толпа,двигающаяся в такт ему, вызвали у меня желание ударить себя кувалдой по голове. Я окинул взглядом клуб: мне не потребовалось много времени, чтобы найти свою цель. Они с братом расположились на VIP-балконе, возвышаясь над непримечательной толпой. Они наблюдали за своими подданными, как король и королева Нью-Йорка, кем они себя и считали.

– Давай потанцуем! – прокричала Мэри-Лу.

Я посмотрел на нее. Мы были здесь по делу, а не для развлечения.

– Нам нужно слиться с толпой, – напомнила она мне, будто ей не было плевать на задание, пусть даже она и не знала,

зачем мы здесь. Эрл не доверял клубным девушкам, ссылаясь на то, что они не умели держать язык за зубами. Но Лу была права. Нам надо было слиться с толпой.

Как всегда, Витиелло окружала свита телохранителей. Не выделяться было не в их стиле.

Телохранитель на лестнице, ведущей на балкон, быстро оглядел меня, по его лицу можно было сказать, что он меня не узнал. В строгой рубашке и с зачесанными назад волосами я выглядел в точности как те брокеры с Уолл-стрит, которые часто посещали клубы Витиелло, чтобы нюхнуть кокаина.

Я танцевал с Мэри-Лу, но мой взгляд продолжал метаться к VIP-балкону. К сожалению, угол обзора был не самый лучший, так что я едва мог разглядеть Марселлу Витиелло. Но я точно знал, что она была там, наверху, благодаря любопытным взглядам людей на танцполе.

– Пойдем к бару! – крикнул я, подустав от танцев.

– Мне надо в уборную, – сказала Мэри-Лу, я рассеяно кивнул, поскольку Марселла направлялась к лестнице, ведущей на первый этаж.

Несколько человек повернули головы, чтобы понаблюдать за избалованной принцессой Нью-Йорка, плавно спускающейся по лестнице в платье, вызывающем стояк. Мой взгляд был прикован к ней, пока она направлялась к танцполу сквозь расступающуюся толпу. От вида ее каблуков у меня кружилась голова. Высокие и острые, но она танцевала на них так, словно это были кроссовки. Каждое ее движение,

каждый взмах волос и даже каждый взмах ресниц был идеально синхронизирован с музыкой, как будто она месяцами оттачивала хореографию до идеала. Марселла Витиелло была само совершенство. Она это знала, и всем вокруг приходилось это признать.

А я презирал ее за это. Она жила избалованной жизнью, лишенной трудностей. Она никогда не страдала так, как я. Отец посадил ее на трон, сделав принцессой без каких-либо личных достижений. Тяжелая работа, боль, жертвы – ничего из этого не имело значения для избалованной принцессы Нью-Йорка.

Ее падение было бы невероятным. Я бы сам заставил Марселлу упасть прямо на ее высокомерный нос.

Мой взгляд блуждал по переполненному клубу. Не считая ее брата, мальчишки, чье сходство с отцом вызывало у меня желание перерезать ему горло, с Марселлой было четыре телохранителя. На этот раз рядом не крутился ее бесхребетный жених. Неладно что-то в Датском королевстве?

Я улыбнулся, поднося ко рту бутылку пива и делая еще один глоток. Пора было уходить. Риск оказаться узанным одним из солдат Семьи был слишком велик, хотя я и находился под прикрытием. Это бы все испортило, но я не мог оторвать взгляд от Марселлы.

Я подождал еще пару минут, наблюдая, как она танцует. Эта девушка не нуждалась в телохранителях или своем братце-переростке, чтобы держать всех на расстоянии. А выса-

сывающий душу взгляд ее ледяных голубых глаз возводил стены выше, чем китайские императоры.

Очередной взмах черных локонов, и вдруг ее голубые глаза поймали мой взгляд, и меньше чем на секунду мой пульс ускорился. Черт. Единственный раз, когда я оцепенел от взгляда, был связан с ее отцом, но совсем по другой причине. Скоро роли поменяются. Я улыбнулся. Она нахмурилась, и я отвел взгляд. Оставив бутылку и наличку на барной стойке, я нашел Мэри-Лу и вышел с ней из клуба.

– Какая муха тебя укусила, Мэд? Выглядишь так, словно за тобой гонится демон, – сказала Мэри-Лу, ковыляя за мной на высоких каблуках. У нее не было ни капли той грации, которую с такой легкостью демонстрировала Марселла.

Я залез в чертов «Приус» Эрла, который он вновь заставил меня взять, и дождался, пока Мэри-Лу сядет в машину, прежде чем нажать на газ.

– Возвращаемся в «Тартар». С меня хватит.

Она бросила на меня любопытный взгляд, но я был сфокусирован на дороге и время от времени поглядывал в зеркало заднего вида, пока мы ехали прочь от клуба. У Марселлы Витиелло были глаза, способные заставить кровь в жилах застыть, в то время как ее тело оказывало обратный эффект.

Этой ночью она снилась мне во второй раз и с этого дня преследовала меня по ночам.

Марселла

Обычно танцы всегда творили чудеса с моим настроением. Они были моей личной дозой счастья, лекарством, когда на меня накатывала грусть, но сегодня не оказывали нужного эффекта.

Мне нравилось, когда все было по-моему, следовало плану, который я продумала до мелочей для своего будущего. До недавнего времени все мои планы срабатывали. Я окончила старшую школу и была лучшей в классе, а после поступила в университет, который выбрала сама. Когда я за что-то бралась, то все всегда доводила до конца и делала это безупречно. Даже несмотря на то, что расстаться с Джованни было правильным решением, я чувствовала себя неудачницей, словно признала собственное поражение.

– Почему у тебя такое лицо? Я думал, мы пришли сюда,

чтобы повеселиться, — сказал Амо, пытаясь перекрычать музыку.

Мои глаза искали то, что могло бы отвлечь от блуждающих мыслей. Тогда я и заметила парня, который, несмотря на стандартный выбор рубашки и брюк, выделялся из толпы в этом роскошном клубе Манхеттена. Что-то в его глазах говорило о презрении ко всему, что касалось этого места, словно этому парню приходилось притворяться кем-то другим. Я знала это чувство, но никто никогда не подозревал об этом. Со временем я довела свою маску до совершенства. Возможно, он тоже, или же просто перестал делать то, что ненавидел.

Он облокотился о барную стойку, держа в одной руке бутылку пива. Внутренний инстинкт подсказывал мне, что его не волновало ничье одобрение, и это делало его выбор одежды еще более странным. Даже если бы мой отец вышел из себя, этому парню, скорее всего, было бы плевать. Я хотела бы стать такой же, не заботиться о том, что обо мне думают люди. Но это была роскошь, которую я не могла себе позволить. Парень встретился со мной взглядом, и его улыбка, скрывающаяся за горлышком бутылки, стала почти самодовольной. Кожу начало предательски покалывать — явный признак надвигающейся опасности, но мои телохранители выглядели невозмутимо, поэтому я проигнорировала свое шестое чувство, но все равно не смогла перестать смотреть парню в глаза. В них было что-то такое, что вызывало мурашки по всему

телу. Я нравилась немногим, но его чувства по отношению ко мне казались темнее и глубже.

Он резко повернулся и исчез в танцующей толпе, как призрак. Порой мне хотелось сделать то же самое: просто исчезнуть в тени, затаиться на какое-то время, чтобы меня никто не узнал. Я еще раз взглянула на телохранителей, но они даже не обратили внимания на парня. А что насчет Амо? Он танцевал с двумя девушками, которые выглядели как минимум на пять лет старше его и были готовы сорвать с него одежду.

Я закатила глаза от этого зрелища и продолжила танцевать, как обычно в одиночестве, потому что ко мне было запрещено подходить ближе, чем на километр. Мужчины не приближались ко мне из-за страха перед отцом, а девушки потому, что только на расстоянии они могли говорить про меня гадости. Амо помахал партнершам и, пританцовывая, направился ко мне.

– Ты не обязан составлять мне компанию, будто я какая-то неудачница, – пробормотала я, но была рада его присутствию, и это многое говорило о моем дне и моей жизни в целом. То, что в танцах мне приходилось полагаться на младшего брата, было печально во всех отношениях.

Амо пожал плечами.

– Ты единственная, с кем я могу быть самим собой, неудачница ты или нет.

Я снова закатила глаза, но грудь переполнилась от эмоций.

– Заткнись и танцуй!

Было почти два часа ночи, когда мы с Амо потащили свои уставшие задницы домой. Несмотря на три коктейля с шампанским, которые я выпила за вечер, я чувствовала себя трезвой, когда легла в постель. Все мысли о Джованни и моем теперь удручающе незапланированном будущем вернулись с полной силой.

Я вспомнила парня, который словно растворился в воздухе, и как в тот момент мне хотелось сделать то же самое, но я не была той, кто убегает. Пусть порой эта жизнь и казалась отстойной, я была слишком благодарна своим родителям за все, что они делали для меня.

Хотя я настойчиво убеждала Амо, что не переживаю из-за разговора с родителями, у меня скрутило желудок, пока я спускалась по лестнице. Была слышна беседа мамы и папы и случайный звон столовых приборов.

Как только я зашла на кухню, родители посмотрели в мою сторону. Мама радостно улыбнулась, выглядя так, словно они с папой только что вернулись из медового месяца.

– Как прошло свидание? – спросила я без особой надоб-

ности.

– Как всегда превосходно, – сказала мама, посылая папе одну из своих загадочных улыбок.

Ее лицо всегда было наполнено такой нежностью, что я поняла, почему у нас с Джованни никогда бы ничего не вышло. Я стремилась к тому, что было у моих родителей, но пока Джованни целовал землю, по которой я ходила, только из-за того, кем я была, *и кем был мой отец*, он никогда бы не посмотрел на меня так, словно прошел бы сквозь огонь и воду ради меня. Папа никому бы не позволил указывать ему, как любить маму. Он определенно не боялся бы ее отца.

– Марселла? – спросил папа, его голос звучал взволнованно, а темные брови сдвинулись.

Позади меня послышались плетущиеся шаги, и вошел Амо в одних спортивных штанах, щурясь от солнечного света и выглядя как покойник. Щетина на его щеках и подбородке все еще сбивала меня с толку, хотя волосы на его лице росли уже давно.

Если мама и папа все еще не знали о нашем походе в клуб, они узнали об этом сейчас. Амо едва заметно кивнул, плюхаясь на стул со стоном.

Выражение папиного лица стало суровым.

– Что я говорил тебе по поводу выпивки?

– Я рассчитываю на то, что ты будешь готовиться к экзамену по математике, даже если у тебя болит голова, – сказала мама.

– Это моя вина, – призналась я, потому что Амо явно был не в состоянии вступить за себя, и я не хотела подставлять его под удар.

Папа откинулся на спинку стула с выжидающим взглядом.

– Я рассталась с Джованни, – с трудом произнесла я.

Глаза мамы расширились, она резко встала и подошла ко мне.

– Ох, Марси, мне так жаль. Что произошло? – Она коснулась моей щеки. Я была на два с половиной сантиметра выше мамы, но ей все равно удавалось заставить меня почувствовать себя маленькой девочкой.

Между тем папа выглядел так, будто был готов достать Джованни из-под земли.

– Что произошло? – Они с мамой задали один и тот же вопрос, но папины слова имели совершенно иной смысл. Он явно уже представил себе все те ужасные вещи, которые Джованни мог сделать со мной, и как заставит его десятикратно заплатить за это.

– Что он натворил?

– Ничего, – твердо сказала я. В этом и была проблема. Я не могла назвать папе конкретные причины, из-за которых рассталась с Джованни. Но прежде всего потому, что это были причины, по которым папа и выбрал его. Очевидно, именно по этим причинам отец дал добро на отношения с Джованни. Папа видел людей насквозь и наверняка почувствовал за километр, что Джованни слишком труслив, чтобы осмелиться

ко мне прикоснуться.

Папа посмотрел на Амо, словно надеялся, что он опровергнет мои слова, но тот лишь пожал плечами, будто не имел ни малейшего понятия о происходящем и предпочел бы похмельным мукам смерть.

Взгляд мамы еще больше смягчился.

– Может, у вас получится разобраться со всем и все исправить?

– Нет, – быстро ответила я. Если бы я и вернулась к Джованни, то только из-за привычки и потому, что ненавидела неопределенность. Но это были недостаточно веские причины для продолжения отношений.

– Я просто поняла, что не люблю его. И не хочу довольствоваться меньшим, чем то, что есть у вас с папой.

Мама мягко улыбнулась.

– Порой любовь требует времени. Мы с твоим отцом не любили друг друга, когда поженились.

– Я знаю. Решение о вашем браке приняли за вас, но вам не потребовалось много времени, чтобы полюбить друг друга. Мы с Джованни были вместе больше двух лет, но я не люблю его и никогда не любила.

Наконец папа тоже встал со стула.

– Должно быть, произошло какое-то важное событие, заставившее тебя осознать это.

– Ничего не произошло, пап. Честно. Я поняла это давно, но не хотела заканчивать все слишком быстро, особенно

зная, что это может плохо отразиться на вас с мамой. В некоторых моментах Семья застряла в Средневековье.

Мама кивнула, но папа все еще смотрел на меня так, будто ожидал, что я дам ему более четкий ответ на вопрос.

– Я поговорю с Джованни.

Мои глаза расширились от страха, но мама предупреждающе сказала:

– Лука, это решение Марселлы.

– Верно, это ее решение, но я все равно должен поговорить с Джованни и посмотреть, что скажет он.

– В его оправдание, ты хочешь сказать, – сердито добавила я. Я любила папу и его желание защитить, но порой оно заходило слишком далеко.

– Моя обязанность – убедиться, что тебе не навредили.

Я сорвалась.

– Но ты – причина, по которой у нас ничего не получилось, в первую очередь! Поэтому, если хочешь найти ответ на свой вопрос, тебе стоит посмотреть в зеркало.

– Следи за своим тоном, – твердо сказал папа, а затем нахмурился. – А теперь объяснись. Я поддерживал ваши отношения с Джованни. Разве не так? – спросил он, поворачиваясь к маме.

– После твоих первоначальных недовольств, ты был за отношения, да, – произнесла мама, совершенно нейтрально.

Амо подавил улыбку, но мне было далеко не весело.

– Ты был за Джованни только потому, что мог легко его

контролировать. Он всегда жаждал твоего одобрения. И ты мог быть уверен, что он никогда бы не сделал ничего, что тебе бы не понравилось.

– Не вижу проблемы.

– Ну разумеется, ты не видишь. Но в отношениях должно иметь значение то, чего хочу я, а не твои желания.

– Я тот, кто я есть, Марселла. Моя репутация распространяется даже за пределы наших кругов. Мало у кого хватает смелости пренебрегать моими желаниями. И тебе придется с этим смириться. Я даю тебе больше свободы, чем есть у большинства других девушек. Гораздо больше свободы, чем было у твоей матери, но ты всегда будешь связана определенными правилами.

– В таком случае мне придется найти кого-то, у кого хватит смелости пойти против тебя.

– Следи за языком, – сказала мама.

Я покачала головой и пошла прочь.

– Завтрак еще не окончен, – напомнил папа, но я проигнорировала его.

Я направилась напрямик в свою комнату и упала на кровать, издав разочарованный крик. У кого хватило бы смелости пойти против отца? Джованни и все остальные солдаты Семьи даже пытались предугадать его еще *невысказанные* желания. Такой мужчина никогда бы не сделал меня счастливой. Но нормальные парни, которых я встречала в колледже, еще хуже. Они едва ли смотрели в мою сторону, потому

что боялись, что папа начнет преследовать их в стиле Аль Капоне⁵. Они не знали реальных фактов о нью-йоркской мафии, но все равно держались от меня на расстоянии вытянутой руки. Если бы они поняли, на что был способен папа, то убежали бы в слезах. Нет, я никогда бы не стала уважать такого мужчину.

Я просто паялилась в потолок. Может, у кого-то другого из мафиозной семьи и было намерение переехать на Западное побережье и стать частью Каморры, но не у меня. На мой взгляд, они были слишком безумными. А кто-то из чикагского Синдиката? С таким же успехом я могла бы всадить пулю в сердце папы.

Видимо, мне придется вечно быть одинокой.

Раздался тихий стук в дверь, и вошла мама.

– Могу я поговорить с тобой?

Я кивнула и села. Я не хотела хандрить в кровати, как пятилетний ребенок. Мама присела на матрас рядом со мной и одарила меня улыбкой. Она всегда была понимающей. Думаю, она научилась этой способности в браке с папой.

– Ты в порядке?

– Да, – ответила я. Я совсем не сожалела о разрыве отношений с Джованни. – Я расстроена лишь потому, что не закончила все это раньше.

Мама склонила голову набок.

⁵ Американский гангстер итальянского происхождения, действовавший в Чикаго в 20-х годах прошлого века.

– Есть ли что-то, что ты хочешь сказать мне, но не можешь произнести при своем отце?

Я засмеялась.

– Джованни ничего не сделал, поэтому мне не надо его защищать. Думаю, папа похвалил бы его за то, что он настоящий джентльмен.

Мама прикусила губу, явно борясь с желанием рассмеяться.

– Давай, смейся. Я все равно чувствую себя посмешищем, – пробормотала я. – Что плохого в том, чтобы хотеть чего-то большего? Любви, страсти и кого-то, кто понравится папе... ну или хотя бы, кого он сможет терпеть.

– Может, все изменится после свадьбы?

Я помотала головой.

– Джованни всегда будет пытаться угодить папе во всем, что делает.

– Думаю, ты права.

– Тебе так повезло, что у тебя такой муж. Он тот, кого все боятся. Он никогда не пытался никому угодить. Он берет все, что захочет.

– Поначалу я так не думала. Твой отец пугал меня. Но любовь и страсть требуют немалых усилий от обеих сторон.

– Но как бы я ни старалась, я не могу представить, что ты боялась папу. Вы как инь и ян – дополняете друг друга.

– Придет время, и ты встретишь свою любовь.

– Где?

– Там, где меньше всего этого ожидаешь.

Глава 5

Мэддокс

Мы с Гуннаром ждали в фургоне, заполняя его дымом от сигарет. С тех пор, как мы покинули базу клуба, я курил почти без остановки. Сегодня был тот самый день. Должен признать, я нервничал, как девственник перед первым сексом. Мы следили за Марселлой уже несколько недель, дожидаясь подходящего момента, чтобы похитить. К нашему несчастью, меры предосторожности, принятые Витиелло для ее безопасности, были почти непробиваемы. Эрл терял терпение, но рискованные действия могли привлечь внимание Витиелло, и мы бы ничего не добились. Возможно, сегодня был

наш единственный шанс. Я не мог его упустить.

– Может, она вышла через другую дверь, – сказал Гуннар. Его седые волосы до плеч почти полностью выбились из конского хвоста из-за постоянного метания туда-сюда. Я никогда не видел его таким нервным.

– Не, – сказал я. – Машины все еще здесь. Пойду осмотрю территорию.

Выпрыгнув из фургона, я раздавил сигарету ботинком и побрел вдоль тротуара. Я чувствовал себя голым без своей жилетки, но надеть то, что связывало меня с «Тартаром», было бы глупо и смахивало на самоубийство. Даже в гражданской одежде риск оказаться замеченным одним из телохранителей Марселлы был велик, но я нутром чувствовал, что сегодня наступил тот самый день.

Вскоре я заметил избалованную принцессу. Она разговаривала с пожилым мужчиной в мокасинах и горчично-желтом пиджаке. Похоже, он был преподавателем. Я даже не закончил старшую школу, поэтому у меня было мало опыта в подобных вещах, но он выглядел как человек, который проводит слишком много времени, уткнувшись в книги.

Телохранители сохраняли приличную дистанцию, но все равно находились слишком близко, и мы не могли схватить принцессу. У нас было достаточно патронов и оружия, чтобы захватить целый колледж, но мы хотели все сделать без лишнего шума, насколько это было возможно. Нам не нужна была полиция на хвосте. Хватало и того, что Витиелло

и Семья продолжали выслеживать нас, заставляя торопиться. Не говоря уже о том, что Витиелло заплатил половине полицейских, так что они наверняка передали бы нас прямо ему в руки, и тогда мы трупы.

Я следил за Марселлой с безопасного расстояния из кампуса. Я даже взял пару книг в библиотеке, чтобы выглядеть соответствующе. Она изучала бизнес и маркетинг, ну или делала вид, что изучает. Готов поспорить, ее папочка купил ей диплом. Не то чтобы ей нужно было высшее образование, она в любом случае выйдет замуж за того сопливого жениха и станет трофейной женой⁶, как и все жены мафиози.

Уже больше недели я не видел Марселлу и ее мальчика на побегушках вместе, что было необычно. Однако сегодня он снова ходил за ней по пятам, как потерянный щеночек. Он мало что знал о девушках, раз не замечал, как ее раздражали его жалкие просьбы. Но в итоге нытье сработало, и Марселла последовала за ним к его машине для разговора. Само собой, у такого мажора, как он, был роскошный «Мерседес Кабриолет». Мафиози Семьи просто купались в деньгах.

Марселла приказала телохранителям держаться в стороне, и те остались у лестницы, ведущей в главное здание.

Я выпрямился и достал телефон, чтобы написать сообщение Гуннару. Не спуская глаз с Марселлы и ее дружка, я под-

⁶ Этот термин часто используется в уничижительном смысле и подразумевает, что у такой жены, кроме внешней привлекательности, нет никаких других достоинств.

бежал к старенькому фургону и залез на пассажирское сиденье, бросив книги к ногам. Гуннар не спеша направил машину в сторону парковки, где Марселла и ее жених, по всей видимости, бурно спорили, стоя рядом с его крутой машиной.

Неловкая ссора между двумя голубками как нельзя лучше подходила для того, чтобы прогнать телохранителей. Они делали вид, что не обращают внимания на перепалку, явно смущенные этой сценой. Хорошо обученные псы, все они. Я надел серебряный кастет на случай, если жених Марселлы будет способен оказать чуть больше сопротивления, чем казалось на первый взгляд.

– Ближе, – сказал я Гуннару, который ехал прямо к Марселле.

Казалось, она была вне себя от ярости. Раскрасневшиеся щеки выглядели бесподобно на ее фарфоровой коже.

– Чертова Белоснежка, – пробормотал я. Марселла из моих снов имела поразительное сходство с рассерженной Марселлой из настоящего, только в моих снах причина ее румянца была совершенно другой.

Гуннар бросил на меня любопытный взгляд, но я проигнорировал его. Марселла толкнула жениха в плечо и развернулась на каблучках так, что ударила его волосами прямо по роже. После минутного потрясения он схватил ее за руку, и теперь все внимание телохранителей оказалось направлено на него. У нас была лишь одна попытка. Скоро они опять окружают принцессу, и у нас не будет шанса подобраться к ней.

Распахнув дверь машины, я выпрыгнул из нее прежде, чем Гуннар начал тормозить. Не замечая ничего вокруг, я бросился прямо к Марселле. Ее взгляд устремился на меня, замешательство на лице сначала сменилось на осознание, а затем на шок. Пухлые губы приоткрылись для крика. Ее телохранители побежали к нам, вытаскивая оружие.

Гуннар выпрыгнул из машины, достав пистолет, и начал стрелять. От звука выстрелов мирный кампус превратился в адскую дыру. Раздались крики, люди разбежались в разные стороны, спасая свои жизни.

Их паника сыграла нам на руку. Они врезались в телохранителей Марселлы, замедляя их, пока те пытались добраться до нас. Я подбежал к принцессе и ее жениху. Тот выхватил пистолет, но я оказался быстрее и ударил его кулаком с кадетом прямо в лицо. Кровь хлынула из его носа и рта, он упал на землю. У меня не было времени разбираться с ним, особенно когда весь план летел к чертям. Счет шел на минуты, прежде чем десятки солдат Семьи явятся на защиту Марселлы. Я знал, что произойдет, если они доберутся до меня. Они передадут меня Витиелло, и то, что он сделал с моим отцом, будет выглядеть как детская забава по сравнению с тем, что он сотворит со мной за нападение на его драгоценное чадо. Но этому не бывать.

Когда я наконец схватил Марселлу за руку и дернул на себя, уже ничто не имело значения. Потрясенный взгляд ее огромных голубых глаз сбил меня с ног. Ее глаза встретились

с моими, в них мелькало удивление, а не страх. Голубизна ее радужки усиливалась благодаря более темному внешнему кольцу. Инстинктивно она прижалась к моей груди. И меня окутало облаком ее экзотических духов, чего-то нежно-сладкого, но в то же время пряного. Она была еще ниже ростом, чем я предполагал. Даже на своих высоких каблуках она доставала мне только до носа. Прежде чем она успела среагировать, я прижал платок, пропитанный хлороформом, к ее рту. Веки Марселлы опустились, и она ослабла в моих руках. Перекинув ее через плечо, я побежал к фургону. Гуннар продолжал стрелять в телохранителей, у которых не было выбора, кроме как искать укрытие, даже если страх перед гневом Витиелло делал их безрассудными. Положив Марселлу в грузовое отделение фургона, я закрыл дверь и перелез на пассажирское сиденье. Затем подал сигнал Гуннару, он запрыгнул в машину и нажал на газ.

— Я попал в одного из них.

Он протянул мне пневматическое ружье, и я взял его на случай, если придется разбираться с преследователями. Вскоре кампус пропал из вида, и Гуннар направил машину на парковку, где мы сменили ее на другую. Новый фургон с логотипом прачечной принадлежал члену семьи одной из старушек. Я сомневался, что Эрл сказал им, для чего он нам понадобился. Его совершенно не волновало, доберется ли до нас Витиелло, пока наш план работал. Незначительные сопутствующие потери.

Марселла даже не пошевелилась, пока я переносил ее из одной машины в другую.

Спустя тридцать минут, когда я убедился, что за нами нет хвоста, я положил пневматическое ружье на пол. Белоснежка потихоньку приходила в себя, стонала и корчилась так, что это напомнило мне вчерашний сон. Я повернулся на сиденье, чтобы наблюдать за ней. Доза, которую я дал ей вдохнуть, была не очень сильной. Ее черные ресницы затрепетали на фоне фарфоровой кожи. Раньше я был почти на сто процентов уверен, что ее фотографии отредактировали, но теперь, находясь так близко к ней, я понял, что Марселла Витиелло была так же великолепна, как и на фотографиях в своем «Инстаграме»⁷ и в прессе. Мне пришлось бороться с желанием придвинуться ближе, прикоснуться к ней и узнать, правда ли ее кожа такая гладкая, какой кажется. Тот короткий миг, когда я схватил ее, пролетел в мгновение ока, и у меня не было времени, чтобы обратить на это внимание.

Она резко открыла глаза и посмотрела на меня пронзительно и бесстрашно. Я замер, ошеломленный силой ее взгляда и тем, как он сковал меня и не отпускал. К счастью, этот момент быстро закончился. Ее глаза закатились и закрылись, и я вздохнул с облегчением, освободившись от ее пронзительного взгляда. Черт.

Мы сменили еще две машины, прежде чем добрались до нашей новой базы клуба, находящейся к северо-востоку от

⁷ Здесь и далее: социальная сеть Instagram запрещена на территории России.

Морристауна. Как только мы проехали ворота из проволочной сетки, мое сердцебиение начало замедляться. Я был готов к тому, что Витиелло и его солдаты нападут на нас. К этому моменту Марселла уже начала шевелиться, но еще не пришла в себя, заставляя оставаться настороже. На этот раз я не совершил ошибку, взглянув на нее снова.

Эрл ждал на крыльце старого фермерского домика, скрепив руки на груди. Он получил мое сообщение об успешном похищении. Я выпрыгнул из фургона и поднял вверх большой палец, подав дяде знак, а затем открыл дверь грузового отсека. Марселла сидела, обхватив себя одной рукой. Откинув голову назад, она пристально смотрела на меня, когда я приблизился к ней.

– Пора заселяться в твоё временное жильё, мисс Витиелло.

Я наклонился, чтобы поднять ее, но она отползла назад.

– Не прикасайся ко мне своими грязными руками.

Она нацелилась ударить меня между ног, но я схватил ее за лодыжку и дернул на себя прежде, чем она успела всерьез навредить. У нее явно не было никакого опыта борьбы, поэтому мне не составило особого труда вытащить ее из фургона. Когда я попытался опустить ее на землю, чтобы она могла идти самостоятельно, Марселла решила ударить меня по голени.

– К черту, сука.

Ее возмущенные голубые глаза пронзили меня. Наверное,

никто раньше не называл ее сукой, и обычно я не использовал это слово, но она по-настоящему взбесила меня.

– Иди сама, или я перекинула тебя через плечо так, что мои братья смогут увидеть твою дерзкую попку.

Она напряглась, и у меня появилась возможность поставить ее на ноги и, схватив за руку, потащить за собой. Марселла пыталась вырваться из моей хватки, но я только крепче сжал пальцы на ее предплечье, рыча:

– Хватит.

Она вздрогнула от испуга, ее губы сжались в тонкую линию. Упертая, но, по крайней мере, она последовала за мной без боя.

Эрл спустился на три ступеньки и встретил нас на полпути.

– За вами никто не следил? – спросил он, просканировав Марселлу с головы до ног.

Она содрогнулась. Я не знал, было ли это из-за Эрла или из-за того, что она наконец поняла, кто мы такие. В отличие от нас с Гуннарсом, Эрл надел свою жилетку с большой нашивкой «Мотоклуб “Тартар”» на спине и поменьше спереди.

– Никто не следил, не переживай. Мы были осторожны, – ответил я. Затем направился в дом, но Эрл поднял руку, останавливая меня.

– В собачью конуру, – приказал он, резко кивнув в сторону ряда клеток, расположенных вниз по склону от дома.

Я замешкался, мои брови сошлись на переносице.

Эрл предупреждающе посмотрел на меня.

– Покажи шлюхе ее законное место.

Марселла напряглась и, когда я начал тащить ее в сторону псарни, снова стала отбиваться. В конце концов мне это надоело, и я перебросил ее через плечо, как и обещал. Она была легкой, но недостаток веса компенсировала гибкостью и укусами. Она пыталась царапать мои шею и руки, каждый сантиметр кожи, не прикрытой одеждой.

– Ты пожалеешь об этом! Мой отец тебя убьет.

Стойко выдерживая натиск ее ногтей, я пробормотал:

– Не сомневаюсь, что он расчленил меня, но я не представлю ему такую возможность.

Когда мы добрались до собак, они поприветствовали нас лаем. Псарня была одним из новых дополнений к территории. Эрл никогда никуда не уезжал без нескольких бойцовых псов.

– О боже, – прошептала Марселла.

Возможно, она подумала, что я ее не услышу. Конечно, это не предназначалось для моих ушей, но я в первый раз почувствовал ее страх и ощутил его по тому, как она задрожала.

Было странно, но я не испытывал никакого удовлетворения от ее страданий.

Я отнес Белоснежку в единственную свободную конуру, несмотря на ее сопротивление. В остальных клетках находились ротвейлеры, которых мой дядя превратил в жестокие

боевые машины. Они подчинялись только ему и иногда мне. При виде незнакомки их лай и рычание только усилились.

Я бесцеремонно поставил Марселлу на ноги, развернулся и захлопнул дверь клетки. Собаки окружили ее конуру и прыгали на решетку, рыча и забрызгивая все слюной. Они злобно уставились на Марселлу, горя желанием наброситься. Эрл зарабатывал большие деньги на собачьих боях, и ходили слухи, что в прошлом он расправлялся с предателями таким образом, но это было еще до моего рождения.

Марселла вздрогнула и прижалась к стене конуры, сжимая одну из своих дорогих черных туфель на высоком каблуке. Эрл наблюдал за этим с довольной улыбкой, прежде чем подошел ко мне. По какой-то причине, увидев Марселлу в клетке, я испытал то же неприятное ощущение, которое появлялось у меня каждый раз, когда я видел тигра в зоопарке. Ей там было не место, но не стоило ставить мои бредовые чувства выше мести.

Ее дискомфорт будет недолгим и не сравнится с тем адом, в котором я жил с того момента, когда ее отец убил моего.

– Лежать! – прошипел Эрл, и все собаки послушно выполнили его команду. Он остановился рядом со мной, но смотрел только на девушку в клетке. – Марселла Витиелло, наконец-то мы встретились.

– Думаете, я знаю, кто вы? – надменно спросила она.

У меня было такое чувство, что она прекрасно это знала. Ее реакция на байкерскую жилетку показалась мне слишком

острой. Она не могла быть настолько слепа. Хотя я и был уверен, что Витиелло сделал все, чтобы превратить ее жизнь в чертову сказку. Но даже ее зацикленный на походах по магазинам мозг принцессы должен был знать истории о нашем клубе и Семье.

– Может, и не знаешь, – ответил Эрл, пожимая плечами. Он повернулся, показывая символику адской гончей с надписью клуба. – Я президент мотоклуба «Тартар», и нам нужно свести счеты с твоим отцом. К несчастью для тебя, мы хотим уладить это с твоей помощью.

Марселла скрестила руки на груди.

– Я не стану помогать вам с этим. Твой план обречен. Мой отец разделается со всеми вами, как ему и следовало поступить давным-давно.

Очевидно, она понимала, что произошло. Теперь, увидев ее в клетке, я больше не беспокоился о ней. Может, немного пожить с собаками пойдет ей на пользу.

– Посмотрим, как долго ты сможешь оставаться такой выскомерной. Наслаждайся нашим гостеприимством, – сказал Эрл с хриплым смешком. Кивнув мне, он развернулся и направился обратно к дому.

Марселла не шевелилась. Она продолжала размахивать единственной туфлей в своей руке. Ее ноги были босыми, значит, она потеряла другую туфлю по дороге.

– Поверь мне, здесь тебе не понадобится модная обувь, – сказал я, прислоняясь к решетке.

Марселла взглянула на туфлю, потом снова на меня.

– Я не доверяю ни тебе, ни другим деревенщинам⁸.

– Деревенщинам? – Я ухмыльнулся и невозмутимо достал сигарету из пачки в джинсах. – Не очень умно оскорблять людей, ответственных за твою безопасность. – Я закурил, не сводя глаз с девушки.

Даже ее ступни выглядели безупречно. Ногти на пальцах ног были покрашены красным лаком, вероятно, в каком-нибудь дорогом салоне на Манхэттене. Такие девушки, как она, не делают себе педикюр, прическу и все остальное сами. Они привыкли, что люди выполняют все за них. Избалованные до глубины души.

Наконец, я оторвал взгляд от ее ног, не желая показаться извращенцем, которому нравится сосать пальцы. Марселла наблюдала за мной так же, как и я за ней. Ее лицо было маской самообладания, но глаза не могли скрыть страх. Это не принесло мне того удовольствия, на которое я рассчитывал. Я хотел заполучить в свои руки ее отца.

– Я даже не знаю твоего имени, – сказала Марселла, словно ожидала официального представления.

– Мэддокс – Бешеный пес – Уайт.

Я внимательно наблюдал за ее реакцией на мое имя, особенно на прозвище. Если она и узнала, то не подала виду, но мое прозвище явно привлекло ее внимание.

⁸ Hillbilies (англ.) – другое значение – неграмотный, необразованный человек, обычно житель южных штатов, проживающий в глуши.

– Бешеный пес, – произнесла Марселла, качая головой с горькой улыбкой. Она указала своими ухоженными пальцами с маникюром на собак. – Значит, они твои?

Я усмехнулся.

– Думаешь, меня называют Бешеным псом, потому что я без ума⁹ от собак?

– Откуда мне знать про байкерский этикет, если у вас вообще существует какой-либо этикет.

Я стиснул зубы.

– Бешеный пес потому, что бесстрашный, как бешеный пес.

– Значит, ты никогда не встречал моего отца.

Я тихо рассмеялся, покачав головой, и ткнул носком своего черного ботинка в грязь. Если бы она только знала. Марселла с любопытством склонила голову набок, но сейчас я не собирался рассказывать ей больше.

– Зачем ты привел меня сюда?

Должен признать, она меня удивила. Я думал, она заплачет и начнет умолять, но эта девушка до сих пор держала холодную маску, которой была печально известна. Вероятно, Марселла взяла больше качеств от своего отца, чем мы с Эрлом думали.

– Как уже сказал мой дядя, из-за твоего папаши, с которым нам нужно свести счеты.

⁹ Имеется в виду игра слов в английском языке: mad – бешеный; to be mad about – быть без ума от чего/кого-либо.

Она покачала головой.

– Чего бы вы от него ни хотели, вы этого не получите.

– Нам нужна его жизнь, и не сомневаюсь, что мы ее получим, учитывая, что у нас его драгоценная дочь.

Марселла взглянула на клетку слева, где сидела Сатана – любимая собака Эрла, которая наблюдала за ней, как за новым лакомством. Я так и не понял, почему дядя назвал собаку Сатаной, но пытаться понять его логику было пустой тратой времени.

Марселла сглотнула и перевела взгляд на меня.

– Мой отец – самый жестокий человек, с которым ты когда-либо имел несчастье встретиться. Единственное, до чего ему есть дело, – это клан нью-йоркской Семьи.

Я усмехнулся.

– Ты правда думаешь, что я в это поверю? Твой отец отлично умеет сохранять безэмоциональное лицо ублюдка на публике, но ты и твоя мать смотрите на него с любовью. Если бы за закрытыми дверями он вел себя с вами как редкостный мудак, вы бы не смотрели на него так.

Последние несколько недель я часами рассматривал фотографии Луки с его семьей. Интернет был переполнен официальными портретами, многие из которых передавали настоящие эмоции, но лишь несколько нежелательных снимков папарацци показывали чувства Марселлы и Арии к человеку, которого я ненавидел больше всего на свете. Должно быть, случилось какое-то чудо, раз они так обожали его, и,

пусть он всегда носил свою непробиваемую маску ублюдка на публике, у меня было чувство, что он защищал их и был собственником по отношению к жене и дочери. И теперь, когда его принцесса у нас в руках, он начнет действовать.

Марселла пожала плечами, пытаясь казаться безразличной, но при этом вонзив красные ногти в свои предплечья.

– Как скажешь. Многие жертвы любят своих насильников и восхищаются ими.

Я сделал затяжку.

– Некоторые да. Но это всегда связано со страхом, боязнию огорчить своего насильника и стать объектом его гнева.

– Откуда ты знаешь? – резко спросила она. – Ты учился на психолога?

Я натянуто улыбнулся. Ей не нужно было знать о моем прошлом ничего, кроме истории о смерти моего отца.

– Нет, в отличие от тебя у меня не было возможности поступить в колледж.

– Но не из-за денег. Уверена, продажа наркотиков и оружия приносит кучу денег твоему клубу. Это прибыльный бизнес.

– Удивлен, что ты знаешь о деньгах больше, чем требуется, чтобы разобрать ценник на твоих модных туфлях.

– Я никогда не смотрю на ценники, – сухо произнесла Марселла, изящно пожав плечиком.

Это заставило меня по-настоящему рассмеяться. У нее были когти. Мне это нравилось. Я такого не ожидал.

– Значит, твой отец делится с тобой деталями своей работы?

Возможно, Марселла и вправду могла быть более полезной, чем просто инструментом для переговоров. Эрл стремился расширить наш бизнес, но Семья крепко держалась за наркотики и оружие.

– Нет, не делится. Но об этом знает каждый, у кого есть хоть немного мозгов.

Я не мог понять, лгала ли она мне. У нее было такое невозмутимое лицо. И она определенно вела себя чересчур самоуверенно не для своего же блага.

Молчание между нами затянулось, и Марселла начала осторожно осматривать свою камеру.

– На случай, если ты ищешь туалет, он вон там. – Я указал на ржавое ведро в углу.

– Я не буду использовать ведро, – сказала она с отвращением.

– Тогда можешь справлять нужду прямо на пол, как собаки.

Принцесса снова посмотрела на клетку слева от себя, где Сатана теперь лежала в своей будке, внимательно наблюдая за Марселлой.

Рев нескольких мотоциклов дал мне понять, что празднование удачного похищения вот-вот начнется. С радостными возгласами и свистом несколько моих братьев по клубу подошли к клетке. Они хлопали меня по плечам и осматривали

пленицу хитрыми взглядами, отпуская грязные комментарии. Через несколько минут, пока Марселла, казалось, пыталась слиться со стеной, они отправились в клуб.

Белоснежка сжала предплечья еще сильнее, взглянув на меня мельком.

– И что дальше?

Я бросил сигарету на землю.

– Ты остаешься здесь и устраиваешься поудобней, а я пойду к своим братьям по клубу.

Через открытые окна доносилась громкая музыка в стиле кантри, и несколько парней подпевали, не попадая в ноты. Наверняка уже нашли самогон. Дверь клуба распахнулась, и, спотыкаясь, вышел Гуннар в наполовину расстегнутой рубашке и с бутылкой в руках.

– Мэддокс, ты пропускаешь вечеринку! – крикнул он.

– Иду!

– Полагаю, вы празднуете мое похищение? – спросила Марселла, заправляя прядь волос за ухо. Сегодня я впервые увидел ее волосы не идеально выпрямленными.

– Да, а еще предстоящую мучительную смерть твоего отца, как только он обменяет себя на тебя.

Марселла удивила меня, когда оттолкнулась от стены и подошла ближе. Я прищурился и выпрямился, отойдя от решетки. Она была миниатюрной девушкой, на голову ниже меня, но порой внешность обманчива. Она одарила меня ледяной улыбкой.

– Наслаждайся вечеринкой, пока можешь, но не совершай ошибку: единственная смерть, которую ты отпразднуешь, будет твоя собственная.

В этот момент подъехал Грей на своем мотоцикле.

– Наконец-то, Грей, тащи свою задницу сюда. Твой старик искал тебя весь день! – крикнул Гуннар.

Грей кивнул мне, слезая с байка. Я покачал головой, гадая, где он снова пропадал. Его взгляд остановился на Марселле, и Грей поморщился. Его отношение к похищению не изменилось. Мое тоже, но жертвы были неизбежны, если мы хотели возмездия.

Гуннар обнял Грея за плечи и повел к двери, хотя тот выглядел так, словно предпочел бы провести вечер со мной в конуре.

Марселла переводила взгляд с него на меня.

– Твой брат?

Я наклонил голову, понимая, что она внимательно за всем наблюдала. Я не знал, как она поняла, что мы братья. У нас обоих были светлые волосы, но Грею достался серый цвет глаз нашей мамы, и черты его лица были мягче моих.

– Сводный, – ответил я.

Марселла кивнула, словно запоминала информацию, чтобы использовать ее в дальнейшем.

Закурив еще одну сигарету, я приподнял воображаемую шляпу и зашагал в сторону клуба.

– Наслаждайся свежим воздухом.

Она ничего не сказала, но я почти почувствовал ее яростный взгляд на своей шее.

В клубе вечеринка была в самом разгаре. Новость об успешно завершённом задании быстро распространилась. Каждый хотел похлопать меня по плечам и поздравить с успехом. Я лишь качал головой, ухмыляясь. Эрл подошел ко мне и протянул бутылку пива.

– Почему ты не празднуешь?

– Пока рано! – прокричал ему в ухо. – Мы выиграли битву, но не войну.

– Это важная битва, сынок. Пусть наши люди отпразднуют и почувствуют, что мы близки к победе в этой проклятой войне.

Я кивнул, сделав глоток пива перед тем, как позволил Черри – одной из новых клубных девушек – потереться об меня в весьма откровенном танце. Но все мои мысли были о другом. Я не мог перестать думать о девушке, запертой снаружи в конуре. Она так долго была плодом моего воображения, что ее близость стала ударом для моего организма.

Как только я допил пиво, Грей сунул бутылку самогона мне в руку. Сделав маленький глоток, я поставил ее на стойку бара.

Я решил оставаться трезвым, пока Марселла была в наших руках. Не стоило недооценивать Луку Витиелло. Этот маньяк-убийца с армией преданных солдат был готов умереть, яростно защищая свою семью. Похищение его дочери

могло бы приблизить день нашей смерти, если бы мы не разложили карты правильно. Эрлу следовало отложить празднование, несмотря на недовольство наших братьев по клубу. Алкоголь и девчонки могли подождать до смерти Витиелло.

Черри прижалась ко мне.

– Ты явно заскучал. Давай поднимемся наверх. Я знаю, как поднять тебе настроение.

Я позволил ей отвести меня в мою небольшую комнату. Единственными предметами мебели здесь были кровать и кресло, на которое я сбрасывал всю свою одежду.

Черри толкнула меня на кровать и начала раздевать. Я всегда был доволен клубными девушками, но теперь не мог перестать сравнивать их с Марселлой, мать вашу, Витиелло. И, черт бы меня побрал, Белоснежка была на совершенно другом уровне. Черри сняла лифчик, но не это заставило мой член напрячься в штанах. В голову пробрался образ холодных голубых глаз, пухлых красных губ и черных волос.

Мне нужно было перестать фантазировать о Белоснежке, особенно теперь, когда она была в пределах досягаемости.

Глава 6

Марселла

Я провожала Мэддокса взглядом, пока он, уверенно шагая, не исчез внутри обшарпанного фермерского домика. Его приятели-байкеры наверняка приветствовали его как короля после моего похищения. Я придвинулась ближе к клетке, пытаясь игнорировать рычание собаки по соседству и то, как ускорился мой пульс из-за этого. Должно быть, недавно прошел дождь, потому что от запаха мокрой шерсти и мочи у меня скрутило живот. Влажность и затяжная жара только усугубляли ситуацию. Я старалась не думать о том, с чем соприкасались мои ноги на грязной земле. Забравшись на будку, я сморщилась от боли, когда щепки необработанной дре-

весины вонзились в ладонь, и прижалась к неровному камню в стене. На улице темнело, и мое положение казалось еще более отчаянным. По привычке я потянулась за телефоном к заднему карману, но похитители, конечно, избавились от него.

Папа всегда предупреждал меня об опасностях нашей жизни, но ни он, ни я никогда не думали, что мы по-настоящему столкнемся с этим. Что меня на самом деле похитят.

Меня затрясло. Это было похоже на кошмар.

Я не знала, сколько было времени. Видимо, я потеряла часы, как и одну из своих туфель, но прошло минимум несколько часов после моего похищения. Мысль о том, что я была без сознания столько времени, вызвала ледяную дрожь по всему телу и заставила задуматься, что делали сабаки все это время.

Отец наверняка уже узнал о случившемся. Мне было интересно, сообщил ли он маме. Он предпочитал утаивать от нас с ней некоторые мрачные моменты своей работы, но мы не были глупыми и знали больше, чем он думал. И все же я хотела, чтобы был способ скрыть эту новость от мамы. Если она узнает, это ее сломает. Мама не была создана для мира мафиози.

А что касается Амо? Наверняка он сделает нечто особенно глупое, еще более глупое, чем обычно. Я улыбнулась, но вскоре мои глаза наполнились слезами. Я быстро заморгала, отгоняя их. Я не заплачу. Вместо этого я упорно смотрела на

лес, окружающий территорию, пытаюсь уловить звуки дороги или людей. Но, кроме редкого пения птиц, прощающихся с заходящим солнцем, и шелеста деревьев, я ничего не услышала – ничего, кроме шума, раздававшегося из клуба.

Наступила ночь, и пение птиц стихло. Гул, доносящийся с байкерской вечеринки, становился громче, и время от времени к нему добавлялся звук бьющегося стекла. Мной овладела усталость, больше эмоциональная, чем физическая, но столь же сильная. Но я не засну до тех пор, пока мое тело окончательно не устанет. Не с этими животными – собаками и байкерами – рядом.

Захрустела галька. Я напряглась и выпрямилась. Парень лет двадцати, спотыкаясь, направлялся ко мне. Он был пьян и даже не мог идти ровно, но его взгляд был устремлен прямо на меня. Он врезался в решетку, затем вцепился в нее, прислонившись лбом к щели между прутьев, словно хотел пролезть через них. Мои глаза метнулись к двери, которая была заперта. Но что, если у него имелись ключи?

Он широко улыбнулся мне.

– Вот она, здес-с-сь, – прошипел он, как змея. – Прекрасная принцесса. – Он раздевал меня жадными, полузакрытыми глазами.

Мои руки задрожали еще сильнее, и я вцепилась в колени. Взгляд парня метнулся к двери клетки. Я молилась, чтобы у него не было ключей. Возможно, он достаточно напился, чтобы я смогла справиться с ним и убежать, а может, нет,

но он однозначно был сильнее меня. Шатаясь, он подошел к двери и дернул ее, сначала слабо, потом сильнее. Я вздохнула с облегчением, когда его яростная тряска решетки ни к чему не привела.

– Жаль. Возможно, в следующий раз, – сказал он, глупо усмехнувшись. Затем начал расстегивать ремень. Ему потребовалось две попытки, чтобы расстегнуть ширинку, и я с отвращением отвернулась. Он собирался дрочить у меня на глазах?

Но вскоре звук жидкости, ударяющейся о стенку будки, эхом раздался в тишине. Несколько теплых капель попали мне на руку, и я издала крик отвращения, еще сильнее прижимаясь к стене.

– Ты – животное!

Раздались шаги.

– Денвер, ты мудака! – прокричал Мэддокс и толкнул мужчину в грудь так сильно, что тот упал и рассмеялся спяну, а затем замолчал.

Мэддокс был в своих мешковатых джинсах с низкой посадкой, но без футболки, шнурки его ботинок тащились по земле. В мягком свете крыльца я рассмотрела несколько татуировок на его груди, и одна из них была с изображением черепа, извергающего пламя. Тени подчеркивали рельеф его мускулистого пресса вплоть до косых мышц внизу живота.

– Черт, – прорычал Мэддокс и пнул неподвижного Денвера, чья голова склонилась вбок. – Этот мудака вырубился

и обоссал все вокруг себя. — Он повернулся ко мне, прищурив глаза. — Ты в порядке?

— Тебе-то какое дело? Ты запер меня в собачьей конуре. — Мой голос стал гнусавым, я боролась со слезами. Держа руку подальше от себя, я думала, как мне избавиться от мочи. От одной мысли об этом желудок сжался.

— Не знаю, — холодно ответил Мэддокс и развернулся, чтобы уйти. — Спокойной ночи.

— Он помочился на будку, и его моча попала на мою руку, — поспешила сказать я, ненавидя жалобные нотки в своем голосе. Я никогда не была в таком отчаянии, по крайней мере не перед незнакомцами.

— Безмозглый придурок, — рявкнул Мэддокс на своего приятеля-байкера, который определенно его не слышал, а после сказал мне: — Я принесу полотенце.

Он развернулся и зашагал по усыпанной галькой дорожке, ведущей к клубу.

Я перевела взгляд на отключившегося парня, он не шевелился. Спустя несколько минут вернулся Мэддокс с полотенцем в руках. Он протянул его мне через решетку. Я спрыгнула с будки, убедившись, что не приземлюсь в лужу мочи, и схватила полотенце. Оно было холодным и мокрым. Я понюхала его, не доверяя никому здесь, но уловила лишь слабый намек на моющее средство.

— Это вода и мыло, или ты ожидала, что я дам тебе полотенце, пропитанное мочой? — сказал Мэддокс. Он и вправ-

ду казался оскорбленным. Какое право он имел обижаться? Разве это он был заперт в конуре?

Я вытерла руки, бормоча.

– Откуда мне знать? Этот парень захотел помочиться на меня, и ты, наверняка, считаешь, что я этого заслуживаю, потому что я дочь своего отца.

Папа вызывал ненависть у многих людей, и ко мне относились так же, просто потому что я была его плотью и кровью. Власть отца защищала меня от жестокости людей, их страх всегда был больше неприязни. Теперь я осталась без защиты.

– Нет. То, что ты пленница, не значит, что с тобой надо обращаться как с грязью.

Я продолжала вытирать руки полотенцем, но вонь мочи от пола конуры забила нос, поэтому я все еще чувствовала себя грязной.

– Значит, собачья клетка – это твой способ не обращаться со мной как с грязью?

– Это было решение клуба.

Я с любопытством склонила голову.

– И где бы ты меня держал?

– У нас в подвале.

– Звучит роскошно. – Я протянула полотенце.

Мэддокс покачал головой, посмотрев на меня так, что это показалось мне чем-то личным.

– Оставь себе.

Я кивнула, затем обошла лужу мочи и забралась обратно на будку.

– Я попрошу кого-нибудь убраться тут утром, ну, или днем, в зависимости от того, когда все протрезвеют. – У него был едва заметный акцент, нетипичный для людей из этих мест, и я не могла понять, откуда он родом, но определенно с юга.

– Ты же понимаешь, что моему отцу не составило бы труда разобраться с вами, если бы он напал сейчас.

– Так и есть, но твой старик не имеет ни малейшего представления, где ты находишься. Мы только недавно переехали в это место.

– И где же мы? – небрежно спросила я.

Мэддокс внимательно и медленно разглядывал меня, его лицо расплылось в улыбке, показывая ямочку на правой щеке.

– Почему-то я думаю, что будет ошибкой рассказывать тебе слишком много.

– Мэддокс! – позвал высокий женский голос.

Мэддокс вздохнул, глядя на окно, откуда голая девушка махала ему рукой.

– Твоя девушка ждет, когда ты развлечешь ее, – пробормотала я.

– Она не моя девушка, но я должен идти, – сказал Мэддокс. Затем поднял парня, валяющегося на земле, и понес его.

Как только он оказался вне поля зрения и пределов слышимости, я судорожно вздохнула. Слезы навернулись на глаза. Мне не хватило сил, чтобы сдержать их.

Пока я сидела в кромешной темноте, слушая стоны, гул и лай собак вокруг, тихие слезы скатывались по моим щекам. Было не холодно, но я не могла унять дрожь. Я всегда знала, что папин бизнес опасен, однако это была лишь отдаленная опасность, несмотря на то, что телохранители следили за каждым моим шагом. Теперь они были мертвы. Либо байкеры убили их, либо отец сделал это в тот момент, когда узнал, что они позволили похитить меня. Я не винила их. Джованни так сильно разозлил меня, поэтому я приказала им отойти, чтобы поговорить наедине, попросить оставить меня в покое. Но папа не стал бы рассматривать такой вариант событий. В гневе он бы обвинил моих телохранителей, а меня не было рядом, чтобы убедить его в обратном и взять всю вину на себя.

В конце концов я вытерла слезы и просто смотрела в темноту, время от времени слушая крики байкеров, пока они напивались еще больше. Огромная собака в клетке слева начала расхаживать, наострив уши. Она порыла землю, а затем свернулась калачиком. Я боялась собак, но мне было их жаль, ведь они проводили всю свою жизнь запертыми в маленькой клетке.

Как долго я пробуду здесь? Возможно, папа и Маттео были уже в пути, чтобы меня спасти. Я молилась, чтобы это бы-

ло так. Мне не хотелось знать, что эти байкеры планировали со мной сделать. Мэддокс мог бы спасти меня от желающих помочиться на мою руку и сделать вид, что ко мне относятся достойно, но пока все свидетельствовало о другом.

Всю жизнь красота была моим оружием, тем, что отпугивало других лучше пистолетов или кулаков, но теперь она стала бременем. Уже в раннем подростковом возрасте я поняла, как выгляжу в глазах мужчин, и быстро научилась использовать внешность в своих интересах, но сейчас...

Выплакавшись, я пообещала себе быть сильной, чтобы выбраться отсюда живой. Папа сделает все, чтобы спасти меня, но мне нужно было убедиться, что они с Маттео не умрут из-за меня. Я должна была найти способ облегчить им задачу или даже выбраться отсюда. Эти байкеры умом не отличались. Мне нужно было придумать, как обмануть их и сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.